

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

На шпильках
по джунглям

Дарья Александровна Калинина

На шпильках по джунглям

Серия «Сыщицы- любительницы Кира и Леся»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949455

Калинина Д. А. На шпильках по джунглям : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58557-1

Аннотация

Любимая кузина Леси уже в четвертый раз собралась замуж и на этот раз решила не повторять своих прежних ошибок. Избранник Верунчика – заграничный красавец, не чета ее бывшим мужьям-неудачникам. Проблема только в одном: жених Крис живет на краю света, в ЮАР, а Верунчик перед самым отлетом к нему сломала ногу. Теперь Лесе и Кире приходится выручать незадачливую невесту – и лететь на смотрины втроем. Но в первые же дни пребывания в Африке прямо на глазах у изумленных российских путешественниц на охоте в местном сафари-парке убивают отца Криса – Якоба, а полиция отказывается расследовать это происшествие, списав его на несчастный случай. Пуля, поразившая добропорядочного африканского землевладельца Якоба, принадлежит его сыну

Петресу – брату Криса, и у того было достаточно поводов желать смерти своему отцу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	44
Глава 4	70
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Дарья Калинина

На шпильках по джунглям

Глава 1

Выходя из машины, Леся сразу же ощутила, как пронзительный осенний ветер вцепился в ее волосы. Успевшие отрасти за лето на весьма приличную длину, локоны являлись предметом гордости их обладательницы. Но если еще недавно Леся гордилась своими кудрями, всячески выставляя их напоказ, то сегодня, намокшие и тяжелые, они падали на лицо, липли к щекам, лезли в нос и рот, одним словом, причиняли девушке неудобства, а не радость.

Не успела Леся пересечь привокзальную площадь, как двадцать раз уже пожалела, что не надела шапочку или хотя бы теплую куртку с капюшоном. За каким интересом она напялила на себя коротенький светлый плащик, который хоть и выгодно подчеркивал ее талию и пышный бюст, но совершенно не грел.

– И еще туфли на каблуках нацепила, идиотка! – ругала себя Леся. – Прыгай в них теперь по лужам!

Погода, не радовавшая уже с утра, с течением дня становилась все только хуже и хуже. Дождь усилился, а вместе с ним и ветер, который вырывал из рук девушки зонтик, за-

ставляя ее ругаться такими словами, какие молодой леди совсем не пристало произносить.

– Да чтоб вас так и этак! – ругалась Леся на дождь и ветер, который выгибал спицы ее зонтика.

И это несмотря на клятвенные заверения продавца в фирменном магазине, что на зонтик установлены все мыслимые и немыслимые усовершенствования – антидождь, антиветер и еще какие-то анти. Но, видимо, все они были рассчитаны на совсем легкий ветерок и небольшой дождик. А те, что дули и лили сейчас в Питере, были уже из другого разряда.

– В такую погоду надо дома сидеть! Хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит.

Однако сидеть дома, в обществе своей подруги и двух кошек, Леся никак не могла. Сегодня приезжала ее двоюродная сестра из Липецка – Вероника, которую все родные и друзья называли Верунчик. И Леся должна была встретить ее поезд, ну и кухню вместе с ним. Верунчик всегда была большая модница и любительница, что называется, погнуть пальцы. И отчасти поэтому Леся сегодня и вырядилась совсем не по погоде.

Но теперь было похоже, что произвести впечатление на кухню вряд ли удастся. Под дождем и холодным ветром Леся совсем околела и выглядела как мокрая кошка.

– Нет, это уму непостижимо! – возмущалась девушка, пока стояла на перроне и дрожала под налетающим шквалистым ветром и дождем. – Какой-то кошмар, а не жизнь!

И еще Леся решительно не понимала, зачем ее любимому Верунчику приспичило ехать к ним в Питер именно в такой неприглядный осенний сезон. По скайпу Верунчик отказывалась обсуждать эту тему. Увиливала и уклонялась от прямого ответа, как только могла. А если Леся настаивала, так еще и обижалась:

– Ты что, совсем не хочешь меня видеть? Ты меня совсем не любишь. А еще сестра, хоть и двоюродная!

И в глазах Верунчика блестели такие искренние слезы, что Леся не выдерживала и кивала:

– Ладно, приезжай, только потом сама на себя пеняй. Сезон ты выбрала самый отвратительный. Намучаешься, если захочешь по экскурсиям поехать.

– Я у вас не задержусь! – обрадовалась Верунчик. – А насчет экскурсий... Экскурсии мне будут обеспечены в куда как более теплом климате.

И это пока что было единственное, в чем созналась Верунчик. И поэтому к нетерпению Леси, понятному каждому ожидающему приезда гостя, примешивалось еще и жгучее любопытство, что же затеяла на сей раз ее неугомонная сестрица.

В семье о Верунчике ходили настоящие легенды. Как о ней самой, так и о ее трех неудачных замужествах. И самое главное, о ее позитивном настрое. Пережив крушение своих надежд и собрав осколки семейных лодок, Верунчик неизменно вновь возрождалась для новых авантюр. Вот и сейчас

она намекнула, что готова попытать счастья в четвертый раз.

– Просто не девушка, а птица Феникс!

Первый муж Верунчика оказался гуленой. Второй был драчуном, регулярно поколачивающим свою молодую жену не за какую-то там провинность, а так просто, порядка ради.

– Знал бы, за что бью, – поговаривал этот индивид, – вообще бы убил!

Ну а третий оказался хоть и тихим, но наркоманом, причем свою пагубную зависимость скрывал так ловко и умело, а ухаживал так красиво и напористо, что Верунчик сообразила, с кем связалась, лишь после ЗАГСа, застав своего благоверного со шприцем в руках и закатанной штаниной парадного смокинга.

– Спокуха, – ничуть не смутившись, произнес новобрачный, бодро вкаывая себе укол под коленку. – Не пропадем! Мои родители поставили условие: для продолжения финансирования я должен жениться. Теперь они успокоятся, а свадебных денег нам с тобой, дорогая, хватит надолго.

В этом муж ошибся. Денег хватило лишь на месяц. А затем Верунчик с ужасом поняла, что ее втягивают в какой-то чудовищный круговорот, состоящий из грязи, лжи и обмана. Муж дурил головы своим родителям, виртуозно вымогая у них деньги то на лекарства для бедной больной бабушки Веры, то на операцию ее тете, то еще на каких-то мифических бедных и убогих Вериных родственников, которых у нее отродясь не было.

В конце концов, свекровь начала делать Верунчику намеки, что пора бы и честь знать. Количество сырых и больных надо бы урезать. Верунчик сначала ничего не понимала, потому что никакой вины за собой не чувствовала. Все манипуляции муж проделывал за ее спиной. И Верунчик лишь глазами хлопала в ответ на укоры свекрови.

А дальше стало еще хуже. Мужа арестовали за покупку и хранение наркотических средств в крупном размере, должны были посадить. Он рыдал, клялся, что бросит, умолял занять денег у родителей. Но при этом говорить родителям, зачем нужны деньги, Вере строго воспрещалось.

– Если скажешь, между нами все будет кончено. Я тебя никогда не прощу!

– Но что же мне сказать?

– Скажи им, что у тебя умер папа!

– С ума сошел! Мой папа умер уже восемь лет назад.

– Тогда скажи, что брат!

– Типун тебе на язык. Брат у меня в армии. Не стану я таких вещей про него говорить!

– Тогда меня посадят!

А ты не воруй, хотелось ответить Вере бессмертной фразой Папанова! Но тут Верунчик была бы не права. Ее муж не воровал. Он лишь кланчил и кланчил у своих родителей деньги, измысливая все новые и новые способы. Потом покупал наркотики, и все начиналось по новой.

Верунчику это надоело. Она поехала к свекру в офис и

честно там все рассказала. Родители пришли в ужас и... И обвинили во всех бедах Верунчика!

– Но он уже употреблял наркотики, когда мы поженились! – пыталась втолковать этим горе-родителям Верунчик. – Он употребляет их со школы. Неужели вы этого не замечали?

После этого на девушку вылился целый ушат грязи и оскорблений.

– Это ты довела мальчика до тюрьмы!

– Мы считали тебя порядочной девушкой, а ты оказалась дрянью!

В общем, сыночка родители от тюрьмы отмазали. Но вот Вере они сказали:

– Ты не оправдала нашего доверия. Мы думали, что ты будешь удерживать нашего сына от безумств. А ты ему лишь в этом потакала!

Верунчик собрала вещи и вернулась к маме в Липецк. Там она в течение полугода залечивала раны, нанесенные ей последним замужеством. А вот теперь ехала к Лесе. И везла с собой какую-то тайну.

– Леська! Как же я рада тебя видеть!

С этими словами Верунчик выскочила из вагона, волоча за собой огромных размеров чемодан на колесиках. Чемодан был таким большим и тяжелым, что Леся мигом заподозрила наличие в нем всяких там домашних варений-копчений-печений, до которых мама Верунчика была такой боль-

шой охотницей и мастерицей. Леся оказалась права.

– Вот черт! – безуспешно дергая чемодан, который задними колесиками застрял в щели между перроном и составом, ругалась Вера. – И зачем мама столько всего напихала! Уж я ей говорила, говорила... А она ну ни в какую. Вези, говорит, доня. Такого мяса и колбас в Питере не найдешь. К нам за ними из самой Украины ездят. А уж там вкус сала отлично знают!

Чемодан Верунчику помог выкорчевать какой-то бравый военный, которому она элементарно мешала пройти. Но Верунчик мигом усмотрела в этом новый повод для флирта. И повисла на военном, намекая, что, если уж у него так хорошо установился контакт с ее чемоданом, надо и дальше этим пользоваться. И ведь уговорила бы беднягу. Тот уже был почти согласен волочить огромный чемодан и дальше, вплоть до машины, а может быть, и вообще по жизни, но, к счастью, в первую очередь для самого военного, появилась его жена с двумя хорошенькими ребятишками. И Верунчику вместе с ее чемоданом пришлось уступить.

Кузины вдвоем поволокли чемодан по очереди, пыхтя и отдуваясь. И если прежде Лесе было холодно и мокро, то теперь от нее буквально во все стороны валил пар.

– Что там у тебя такое? – тяжело дышала она. – Говоришь, копченья?

– И еще варенья. И соленья. И колбаса. И сало. И мясо копченое. А как же, небось на край света собираюсь. Надо

же с собой гостинцев захватить.

Край света? Верунчик именует Питер, до которого всего сутки с небольшим езды на поезде, краем света? Леся задумалась. Передав в очередной раз чемодан Верунчику, она решила, что надо хотя бы попытаться уточнить, что происходит и о чем говорит ее кузина, но внезапно ее отвлек скрип и скрежет колес, а потом громкие испуганные крики.

– Что такое?

Неожиданно Леся обнаружила, что рядом с ней никого нет. Ни Верунчика, ни ее чемодана. Погрузившись в раздумья, Леся даже не заметила, что давно уже идет одна. Верунчик вместе с ее неподъемным чемоданом осталась где-то позади. Именно там, где сейчас раздавались возбужденные людские крики и уже образовалась пробка из-за вставших машин.

– Человека задавили!

– Девушку!

– Погибла!

– «Скорую»! Скорей!

Сердце у Леси сделало бешеный скачок, поднявшись до самого горла и судорожно заколотившись там.

– Верунчик!

Повернув назад, Леся помчалась к месту происшествия. На дороге было полно машин и недоумевающих людей, но Леся обогнула и распахала их всех.

– Верунчик! – кричала она при этом. – Верунчик, ты где?

Верунчик, ты жива? Ты меня слышишь?

И тут же замерла, потому что увидела свою кухню, распростертую на грязном асфальте. Верунчик по-прежнему сжимала в руках ручку чемодана. Сам чемодан валялся немного в сторонке. Но Верунчик этого словно не замечала. Девушка была хоть и жива, но в шоке и не обращала никакого внимания на окружавших ее людей и общее смятение, виновницей которого была она сама.

– Верунчик! – подскочила к кухне Леся. – Что произошло?

Верунчик ничего не ответила, лишь безмолвно потрясла головой. Но вокруг нашлось достаточно словоохотливых граждан, которые просветили Лесю, что случилось с ее кухней.

– На вашу подругу наехали.

– Вот он!

– Гоняют, как им нравится. По сторонам, извиняюсь, совсем не смотрют!

Второй виновник ДТП – здоровенный парень с простым и хорошим лицом – сконфуженно разводил руками.

– Я не виноват! Я правильно ехал. Свет на светофоре мой был. А она на дорогу выскочила!

– Не выскочила. Она там и была! У нее чемодан в дырке застрял, она его сдвинуть не могла.

У Леси на глаза слезы навернулись. Бедная самоотверженная Верунчик! Спасая мамины гостинцы, она пожертвовала

собой.

– Ты как? – снова повернулась к ней Леся. – Встать можешь?

Верунчик немного подумала и кивнула. Но когда она попыталась подняться, ее левая нога подогнулась. И Верунчик с громким криком шмякнулась обратно на асфальт.

– Перелом, – со знанием дела произнес кто-то из толпы. – Или вывих.

– Врачей надо вызывать.

– И ГИБДД. Похоже, тут дело серьезное.

Так и получилось, что вместо домика в коттеджном поселке под названием «Чудный уголок», где жила Леся вместе со своей подругой Кирой и двумя кошками, Верунчик отправилась в больницу. И пусть даже ее поместили в отдельную палату и сразу же сделали рентген, наложили гипс и вкололи обезболивающее вместе со снотворным, все-таки, как подозревала Леся, больница, даже самая комфортабельная, была далеко не тем местом, где мечтала оказаться ее непутевая кузина.

Но вся величина и глубина катастрофы выяснилась буквально на следующий день, когда подруги отправились проведать Верунчика в больнице. Они застали больную всю в слезах.

– Так страшно нога болит? – участливо осведомилась у нее Кира, присев на край кровати. – Надо вызвать врача!

Но Верунчик неожиданно разрыдалась еще громче и схватила Киру за руку:

– Ты просто себе не представляешь, в какое я попала ужасное положение!

– Если ты насчет заготовок твоей мамы, то они не пострадали. Ни одна банка с салатами не разбилась. Твоя мама просто молодец. Так все утрамбовала, что у банок практически не было шансов разбиться. Мы уже все попробовали. Очень вкусно. А уж сало из банки...

– При чем тут какие-то банки? При чем тут сало? – перебив ее, снова затряслась в рыданиях Верунчик. – Речь идет о моей судьбе! О моем счастье!

– О чем?

– О счастье! – повторила Верунчик. – Я собиралась замуж! Прямо от вас должна была лететь к моему жениху. А куда уж мне теперь с этой штукой да в самолет!

И Верунчик постучала по краешку гипса, в который была аккуратно упакована ее нога от щиколотки и до колена. Впрочем, еще вчера врачи сказали Лесе, что перелом у ее кузины просто замечательный. Загляденье, а не перелом. Без смещения, даже не перелом, а так, трещина. Правда, большая. И поэтому покой пациентке необходим по меньшей мере еще недели полторы, а то и две. Да и потом она вряд ли сможет свободно передвигаться. Но все же прогнозы врачей насчет Верунчика были самые благоприятные. И теперь подруги решительно не понимали, по какой причине такая все-

ленская скорбь.

– Ты чего ревешь-то? Палата у тебя отдельная, лежи себе, отдыхай.

– Он решит, что я его бросила!

– Кто?

– Он!

– Любовник?

– Нет. Бери выше!

– Кто? Жених?

– Да!

– У тебя есть жених!? – поразилась Леся. – И ты мне ничего о нем не сказала?

И так как Верунчик продолжала рыдать, ничего не объясняя, то она потрясла ее:

– Говори, есть жених или нет?

– Есть! То есть был! Теперь-то он решит, что я его не люблю.

– Не решит!

– Решит! Его уже так две девушки продинамили. Он решит, что я тоже... того... Динамщица!

Подруги переглянулись между собой. Об этом деле следовало узнать поподробнее. И Леся придвинула себе стул, подсев поближе к кровати страдальцы.

– Ну-ка! Рассказывай! – потребовала она от кузины. – Рассказывай все и без утайки. Во что ты опять впуталась?

– Ни во что я не впуталась, – хотела надуться Верунчик, но

вовремя вспомнила о своем безвыходном положении, дуться передумала и начала, наоборот, честно и откровенно рассказывать о том, во что до сего дня не хотела посвящать ни одну живую душу.

– Это я для мамы специально придумала, будто бы к тебе в гости еду. А на самом деле я из Питера через неделю должна была в Кейптаун лететь, к Крису.

– Кейптаун – это Южная Африка?

– Мыс Доброй Надежды, – кивнула Верунчик. – Самая южная точка земли.

– Действительно, край света. И твой Крис там живет?

– Да.

– Ни фига тебя, мать, занесло! – присвистнула Кира. – Поближе кавалера себе найти не могла?

– Поближе все козлы оказались, – грустно вздохнула несчастная, прикованная к кровати невеста. – А Крис... он такой хороший... Он мне денег на дорогу выслал! Он сказал, что если меня зовут, как и его покойную маму – Вероника, то это знак судьбы.

Из дальнейшего монолога Верунчика выяснилось, что Крис – ее дорогой и любимый жених, с которым она познакомилась два месяца назад по Интернету, – уже дважды натыкался на обман и мошенничество со стороны своих «невест», которые деньги на дорогу брали, а вот прилететь к жениху так и не удосуживались. И теперь Верунчик очень опасалась, как бы Крис не подумал и про нее то же самое и впопыхах,

не разобравшись толком, не разорвал их помолвку.

Поэтому Верунчик собиралась лететь в Южную Африку, даже если ее придется загружать в самолет на носилках.

– Погоди, зачем такая спешка? – попыталась отговорить ее Леся. – Никуда твой Крис не денется. Мы с ним сейчас свяжемся по скайпу, он увидит, что ты лежишь в больнице, вокруг врачи, капельницы, у тебя гипс на ноге... Ну какой тут подвох? Он подождет пару неделек. Или даже дольше.

Но Верунчик так решительно затрясла в знак протеста головой, что подруги даже удивились, как это она у Верунчика вообще не отвалится?

– Нет, нет, нет! – твердила девушка. – Никак нельзя, чтобы Крис увидел меня в таком состоянии. Я выгляжу просто ужасно! Синяк на бедре, рука ободрана.

– Синяк и руку он не увидит. Во всяком случае, не по скайпу.

– Нельзя, чтобы Крис узнал о случившемся со мной. Он увидит в этом дурное предзнаменование.

– Если любит, то не увидит.

– Увидит! Я же вот увидела!

Переспорить Верунчика оказалось невозможно. Она твердила о своем намерении лететь в Кейптаун к милому Крису, даже если это потом будет стоить жизни или здоровья.

– Пусть я останусь инвалидом, пусть одна нога у меня на всю жизнь будет короче другой, пусть я буду кривой и горбатой, но зато калекой я буду замужем!

– Далось тебе это «замужем», – вздохнула Леся. – Ты там уже три раза побывала и что-то вернулась не в восторге.

– Все равно. Хочу замуж. Хочу замуж за Криса. Я должна выйти за него замуж и утереть нос всем своим бывшим!

– Ну, допустим, двоим из них ты и так уже утерла нос. Первому так даже дважды. И вообще... тебе не кажется, что вступать в брак, желая насолить другим, – это не лучший вариант?

Но Верунчик закусила удила:

– Мне все равно. Я полечу. Тут больница, а не тюрьма. Я подпишу любую расписку, скажу, что не имею никаких претензий и никогда иметь не буду. И полечу!

Учитывая, что рейс был уже через неделю, а Верунчик пока что даже до туалета не могла дойти без посторонней помощи, подруги в этом сильно сомневались.

– Ты даже до самолета не доковыляешь.

– Одна – нет. А вот если вы полетите со мной, то очень даже запросто.

Подруги не сдержались и ахнули:

– Мы?

– С тобой?

– Что мы забыли в этой далекой Африке?

– Да еще на самом ее краю!

Верунчик распахнула свои глаза и заканючила:

– Не, девчонки... Ну, что вам стоит? Вы же все равно сейчас не загружены работой. Помогите мне. Я даже могу одной

из вас оплатить билет в одну сторону. Крис прислал мне денег, чтобы я купила билет в бизнес-классе, а я сэкономила и купила обычный. Разницу отдаю в вашу пользу. Ну, девочки... Ну, пожалуйста. Леся? Кира? Ну, как? Вы мне можете?

Подруги переглянулись между собой еще раз. В принципе ничего сверхневероятного в просьбе Верунчика не было. Все как обычно. Кто-то из близких впутывается в очередную историю, а подругам предстоит разгрести последствия этой истории. Но в данном случае речь шла о счастье не кого-нибудь, а любимой двоюродной сестры самой Леси.

Отказать сейчас Верунчику означало начало кровной вражды, а возможно, что и семейного раскола. Сколько известно примеров, когда дружные семьи разделялись на враждующие лагеря по куда менее важному поводу. Пойти на это добрая и превыше всего ценящая мир в семье Леся не могла. Поэтому она потянулась к Кириному уху и прошептала:

– Жалко ее. Ты погляди, может, это ее последний шанс устроить свою личную жизнь.

Кира взглянула. Вытянувшаяся на больничной койке Верунчик в самом деле выглядела жалкой и раздавленной. Да еще эта ее сломанная нога... Нет, нельзя позволить, чтобы какая-то там нога стала причиной несчастья этой молодой женщины. Ей и так уже досталось от жизни и от ее мужей.

И Кира произнесла заветную фразу, которую и ждала от нее Лесина кузина:

– Ну, допустим, мы с тобой полетим. Но как все это осуществить? С кем мы оставим наших кошек?

Кошки – Фантик и Фатима – были уже в том преклонном возрасте, когда любые существа, будь то люди или кошки, нуждаются в особом присмотре и внимании.

– Оставим их на попечении тети Наташи. Кошки ее любят. Она вполне может заменить нас на некоторое время. На сколько ты хочешь, чтобы мы с тобой полетели? А, Верунь?

Не успела она договорить, как Верунчик издала торжествующий вопль и едва не свалилась с кровати, кинувшись обнимать подруг. Поймав ее буквально на лету и водрузив обратно, смеющиеся подруги начали выяснять подробности предстоящей им экспедиции в далекую Африку.

И подробности эти оказались так сложны и многочисленны, что надо было немедленно приниматься за решение всех вопросов, чтобы успеть на тот же рейс, каким должна была лететь сама невеста.

Глава 2

Таким образом, ровно через неделю после произошедшего судьбоносного разговора трех девушек, белоснежный воздушный корабль принял на свой борт стенающую при каждом шаге Верунчика и двух поддерживающих ее подруг.

– Слушай, тебе медаль за героизм надо дать.

– Точно, точно. Медаль за вступление в брак в чрезвычайных обстоятельствах.

– Не шутите, девчонки. Мне и так больно!

Несмотря на то что Верунчик доехала до аэропорта на такси, а по самому аэропорту передвигалась исключительно в инвалидном кресле, которое заранее забронировала для нее Кира (в наших аэропортах надо быть начеку и готовым к любым неожиданностям, это вам не Европа, где кресло предоставят по первому вашему требованию, в России такового может и вовсе не оказаться в наличии), Верунчик переносила дорогу тяжело.

Сломанная конечность продолжала болеть. Верунчик стояла. И последний отрезок до самолета стал для Верунчика и ее сопровождающих самым тяжелым.

– Уф! Все! – выдохнула Леся, наконец усадив и заранее пристегнув Верунчика к креслу, чтобы потом уж лишний раз не вставать. После этого подруги попадали в свои собственные кресла и порадовались тому, что перелет до Кейптау-

на займет много часов. У них появится возможность хоть немножко передохнуть.

Верунчик оказалась очень требовательной и капризной персоной. Вела она себя так, словно уже вышла замуж за южноафриканского жениха, и помыкала холостыми подругами, как собственными рабынями. Но Кира с Лесей держались мужественно. И приписывали поведение Веры ее плохому самочувствию.

– Ты сообщила своему Крису, что прилетаешь не одна?

– Он пришел в совершенный восторг. Сказал, что может снять для вас номер в гостинице. Но он будет счастлив, если мы все трое поселимся у него в доме.

– У него большая квартира?

– У него дом, – с достоинством произнесла Вера.

– Так он очень богат? – приятно удивилась Кира.

– Да уж не беден. Семья Криса происходит от самых первых голландских поселенцев, которые прибыли на землю Южной Африки еще в семнадцатом веке. Тогда это место было вроде перевалочного пункта для путешественников, отправлявшихся дальше на Восток. Маленький порт и небольшое поселение вокруг него. Голландцы выращивали на огородах свежие овощи, которыми и торговали с кораблями. Потом они посадили виноградники и оливковые рощи. Ну, так у них дальше и пошло по части земледелия.

– И до сих пор выращивают овощи?

– У семьи Криса много земли, – уклончиво ответила Ве-

рунчик. – И еще какие-то фабрики, и производства, и рудники.

– Какие рудники?

– Золотые?

– Алмазные?

– Ой, не спрашивайте меня, девчонки. Я не знаю.

– Как же, такой важный вопрос, и ты не знаешь?

– Я специально не расспрашивала Криса о том, насколько он богат и каково его состояние. Ну, понимаете, сама-то я совсем небогатая. Вот и не хотела, чтобы он подумал, что я с ним только ради его... ради его денег связалась!

До сих пор подругам, занятым оформлением виз, страховок, покупкой билетов и прочими хлопотами, как-то не пришло в голову выяснить, к кому же, собственно говоря, они летят. И сейчас для этого, как им казалось, был самый подходящий момент.

– У тебя есть его фотография? Покажи нам своего Криса!

Подруги ожидали увидеть какого-нибудь низенького и плюгавенького шибздика, которого обмануть – просто дело чести для всякой ценящей себя красавицы. Но оказалось, что Крис очень даже недурен собой. Не красавец с журнальной обложки, но ведь с моделью жизнь не сахар. А с таким симпатичным рослым и веселым парнем очень даже.

Кира с Лесей долго изучали фотографию, пытаясь найти хоть один недостаток.

– Хорошие какие у него зубы. Жаль, что немного кривые.

Левый клык Криса слегка «наползал» на его соседа. Но это была такая ерунда по сравнению с густыми волосами, блестящими глазами и чистой кожей, что даже и заикнуться на ней не стоило. Не недостаток, а так, крохотный изъян, пикантная горчинка, чтобы не было приторно сладко.

— Ну вот, — с удовлетворением произнесла Верунчик, пряча телефон с фотографией своего Криса подальше от алчущих глаз подруг. — Это и есть мой Крис. Да вы не переживайте, у него, кажется, имеется целая куча братьев и холостых друзей. Найдем и вам кого-нибудь.

Произнесено это «кого-нибудь» было таким снисходительным тоном, что сразу же становилось ясно: этот «кто-нибудь» обязательно должен занимать куда более низкое положение в обществе, чем дорогой Крис. Иначе Верунчик была не согласна. Верунчик любила, чтобы мир вертелся вокруг нее. Просто удивительно, как с такими замашками она уже трижды попадала впросак с замужеством, выбирая себе совсем неподходящих партнеров.

Перелет прошел легче, чем ожидали подруги. И когда солнце стало подниматься над горизонтом, они увидели под крылом самолета океан и гору с плоской вершиной. Это была Столовая гора, названная так потому, что за ней вполне могли устроиться на пирушку какие-нибудь великаны или даже древние боги.

Приникнув к иллюминаторам, подруги с жадностью рассматривали город, о котором знали так непозволительно ма-

ло. Как уже сказала Верунчик, основан он был в начале семнадцатого века голландским колонистом, который с небольшой группой своих друзей, родственников и сподвижников разбил маленькое поселение, снабжавшее моряков, заглянувших в эту бухту, свежей зеленью и овощами.

Жизнь тут текла тихо, мирно и совершенно неспешно. Но в 1867 году в окрестностях, в Кимберли, были найдены алмазы. А потом в 1884 году в Трансваале нашли золото. И вот тут-то все и началось... В тихий уголок Африки хлынули переселенцы из всех стран земного шара. Англия, до сих пор безмятежно взиравшая на этот забытый всеми клочок земли, тоже встрепенулась и заявила о своих претензиях.

Буры – потомки первых голландских колонистов – не захотели отдавать наглым империалистам свои пахотные угодья и пастбища для многочисленных голов скота. Они дружно взялись за оружие, и вплоть до 1902 года между бурами и англичанами шла кровопролитная война. Сначала первая англо-бурская кампания, потом вторая. Завершилось все капитуляцией буров, но капитуляцией весьма неоднозначной. Англия взялась компенсировать бурам весь нанесенный им ущерб. И что самое интересное, действительно его компенсировала!

В наши дни Кейптаун был крупным городом, насчитывающим почти четыре миллиона жителей. Все эти знания подруги почерпнули от своих соседей – молодой пары, которая летела в ЮАР на собственный медовый месяц.

– Африка – это что-то невероятное! Такой первозданной красоты я не видел больше нигде.

– Мы собираемся посетить Зимбабве и Ботсвану. Хотите с нами?

Ага, только Верунчику с ее сломанной ногой и скакать по саванне!

– Ничего страшного. Мы будем вам помогать!

– Ага! Где надо, Владик может понести на руках вашу подругу!

Нет, все-таки некоторые люди чертовски странные. Вот у них медовый месяц и свадебное путешествие, за каким фигом им тащить с собой еще кучу народу? Медовый месяц он на то и медовый, чтобы наслаждаться жизнью, а не ломать головы над устранением чужих проблем.

Крис сидел в зале ожидания. Он первым вычислил девушек, как не без издевки подумали подруги, по ослепительно-белому гипсу на ноге у Верунчика. Все-таки пассажиров с самолета двигалось целое море, женщин, в том числе и молодых, и красивых, среди них тоже было много. Вряд ли Крис признал бы Верунчика так быстро без ее гипса.

– Как я рад! Дорогая моя! Любимая! Обожаемая!

Крис был очень эмоционален. На его больших синих глазах выступили слезы восторга. Он заключил Веронику в свои объятия и долго и, как показалось подругам, слишком крепко к себе прижимал. Все-таки это была их первая встреча в реале. И к тому же гипс... будь он неладен. Но Крис и на

гипс смотрел с восторгом. То на него, то на Верунчика, то опять на гипс.

– Такая самоотверженность! – воскликнул он наконец. – Неужели это все ради меня?

Глаза его буквально светились от счастья. А сам он едва не прыгал от радости. Когда Верунчик сообщила своему жениху, что не вполне здорова, что у нее легкая травма ноги, Крис попытался отговорить ее. Но когда та заявила о своей твердой решимости прилететь к нему, явно обрадовался.

Но сейчас подругам показалось, что Крис слишком уж восторженно приветствует Верунчика. И вообще... Чего он потащил ее в такую даль? Ну и что с того, что Верунчика звали как мать Криса? Небось девушек с именем Вероника или его аналогами нашлось бы немало и поближе к Кейптауну, где жил сам парень.

– Добро бы был косым, кривым и вообще уродом. А так... Неужели такому симпатяге не удалось найти себе невесту где-нибудь поближе?

Трудно поверить, что в многомиллионном Кейптауне не отыскалось ни одной красотки – белой или черной, готовой ответить Крису взаимностью. К чему было искать невесту так далеко?

– Ты не подумай, что я завидую Верунчику, но какой-то этот ее Крис... какой-то он странный.

– Слишком восторженный? Да?

– Да. Посмотри на него. Так и пляшет возле Верунчика.

– Он вообще трезвый?

Но спиртным от Криса не пахло. Взгляд был осмысленным. Во всяком случае, не пьяным. На наркомана он тоже похож не был, слишком здоровые мышцы бугрились под трикотажной майкой, обтягивающей его широкие плечи. И за руль своей машины – длинной спортивной «БМВ» – он уселся без малейшего колебания.

– Хотите, я покажу вам город?

Изъяснялся Крис на безупречном английском, который подруги отлично понимали. И от экскурсии они бы не отказались. Но Верунчика вконец измучил длинный перелет. Еще бы, тринадцать часов в пути без учета ожидания во время пересадки в Париже, так что она простонала:

– О нет! Умоляю, поедemте скорее домой. Я мечтаю увидеть наш с тобой общий дом поскорее.

Крис кинул на свою невесту взволнованный и счастливый взгляд.

– О'кей, дорогая, – покладисто согласился он. – Как скажешь.

От аэропорта до самого города было около двадцати километров, подруги глазели из окон и удивлялись. Они-то думали, что Южная Африка – это безводная, выжженная солнцем пустыня. Но оказывается, климат тут был весьма близок к средиземноморскому. И растительность поражала богатством красок и изобилием форм.

– У них тут все цветет! – удивлялась Леся. – А у нас хо-

лодно и слякоть!

– Не забывай, мы в Южном полушарии. У нас уже осень, у них весна.

От экватора с его изнуряющей сухой жарой тут было очень далеко. И подруги искренне обрадовались, что послушались уговоров Верунчика. Пусть перелет был долгий и трудный, но зато в конце его они попали в самый настоящий земной рай.

– Как тут красиво! – искренне воскликнула Кира.

– О да! – отозвался Крис. – У нас очень красиво.

– Настоящий земной рай!

– Так было раньше. Но в последнее время белому населению живется тут далеко не так привольно, как прежде. Многие мои знакомые вообще уехали из страны.

– Почему? – поразилась Кира.

Лично она никогда бы не покинула эти места, казавшиеся землей обетованной. Но Крис быстро объяснил ей суть дела:

– После отмены в тысяча девятьсот девяностом году политики апартеида черные заняли в стране многие руководящие посты. Как всякое быдло, дорвавшееся до власти, за эти годы они страшно обнаглели. И теперь они требуют передела собственности, ведь еще слишком много богатств находится в руках белых.

– А им это не нравится?

– Разумеется, нет. Они хотят получить даром все то, что наши деды и прадеды создавали своими силами не одну сот-

ню лет. Черные не годились ни на что, кроме самых примитивных работ. Вспахивать землю, пасти скот, поливать и собирать урожай.

– А еще работать в шахтах и на рудниках.

– Да, – ничуть не смутился Крис. – И там тоже.

Что же, теперь было ясно, что страна разделена на два враждующих лагеря. Но всю глубину этой вражды подругам еще предстояло лицезреть в скором будущем.

Пока что они только знали, что время апартеида, когда черным предписывалось жить, работать, лечиться отдельно от белых, прошло. Раньше даже передвигаться по стране белые и черные могли лишь раздельно. Отдельно автобус для белых, отдельно для черных. Вот так, и никак иначе.

И последствия политики государства, в котором выросло не одно поколение граждан ЮАР, продолжали сказываться на его простых жителях. Черное население почувствовало вкус власти и рвалось зачерпнуть из богатств своей страны. А белые упорно не отдавали им то, что считали своим.

– С каждым годом ситуация усугубляется. Ежегодно совершается множество нападений на белые поселения, фирмы и магазины, которыми владеют белые. Но полиция, которая во многих местах состоит лишь из черных, ничего не предпринимает, чтобы наказать преступников.

Месть сладка и сама по себе. А уж когда она подкреплена звоном золота и блеском бриллиантов, тут уж удержу ей и вовсе нету.

– Но твоя семья пока что держится?

– Мой предок приехал в эту страну одним из первых. И мы не отдадим черным то, что создавалось не одним поколением!

Однако, как могли видеть подруги, большинство черного населения ЮАР до сих пор ютилось в трущобах. Вероятно, их братья, засея в политическом собрании или даже встав у руля правления страны, больше были озабочены личным обогащением, чем благополучием своих соплеменников.

Дорога до дома оказалась не такой уж веселой. Крис явно вспомнил о проблемах своей страны, задумался и совсем забыл о своей роли радушного хозяина. Измученная Верунчик дремала на заднем сиденье. А подруги молча смотрели в окна.

– Вот мы и приехали! – неожиданно произнес Крис, затормозив перед большими воротами, которые в ту же секунду услужливо раздвинулись перед их машиной.

– О! – пораженно ахнули подруги. – Какое великолепие!

Перед их глазами был настоящий дом их мечты. Современный, с белыми стенами и огромными окнами, создававшими ощущение, что зеленый газон и голубая гладь бассейна плавно переходят в гостиную и столовую. Участок был сформирован на трех уровнях, так же как и сам дом. Один уровень – зеленый двор и кухня. Ступенька вверх – и вот уже вы оказываетесь на уровне бассейна и гостиной. А дальше еще одна ступень, и вы уже вновь идете по зеленой траве,

утопая в цветах, и попадаете в столовую.

Что касается Верунчика, то она просто ошеломленно тащи́лась на это великолепие, явно не в силах поверить, что скоро это все будет принадлежать и ей тоже.

– Все спальни размещены на втором этаже, – рассказывал Крис, провожая гостей к дому. – Уверен, вам будет удобно. Лимпо! Эй, Лимпо! Встречай нас!

Крис хлопнул в ладоши, и тут же появился пожилой седовласый негр, который величественно приветствовал подруг наклонном головы.

– Лимпо служил еще у моего отца, – засмеялся Крис. – Он очень старый и любит важничать. Признаюсь, он порядком меня раздражает. Но отец запретил мне его выгонять. Да Лимпо и сам бы никуда не ушел. Его предки были рабами еще у моего прапрадеда с матушкиной стороны.

Чаша симпатий вновь качнулась в пользу черного населения ЮАР. В самом деле, жили себе веселые, дочерна загорелые ребята, горя не знали. А приехали к ним белые переселенцы, мало того что земли отняли, так еще и их самих рабами сделали. А после отмены рабства начался апартеид, жизнь цветных при этом политическом режиме была далеко не сахар.

Но старый негр, казалось, не замечал бестактности своего хозяина. Он смотрел на него с выражением бесконечной нежности, как смотрят на своих детей любящие родители.

– Разрешите мне взять вещи ваших гостей?

Крис рассеянно кивнул. Негр взял чемоданы и направился с ними к дому. Но, уже уходя, старый слуга все же позволил себе подколку, показывая, насколько он близок со своим молодым хозяином:

– Мистер Крис, а мне казалось, вы ждали одну невесту. Что же, теперь их у вас три?

– Иди и не задавай ненужных вопросов! Тебя забыли спросить!

– Я-то пойду, – покачал головой Лимпо, – но вот что скажет на это все ваш отец? Это же надо такое придумать, сразу три невесты. Честное слово, это слишком даже для вас!

– Успокойся ты, старый болван! Эти девушки просто подруги моей невесты. Разве не видишь, она нуждалась в помощи сопровождающих, чтобы добраться ко мне.

– Ну, раз так, тогда другое дело. И все же, мне кажется, надо известить вашего батюшку.

– Отца я возьму на себя. Не беспокойся.

И, повернувшись к подругам, присевшим на что-то, отдаленно напоминающее лавочку, Крис нетерпеливо воскликнул:

– Ну же! Поднимайтесь в свои комнаты, переодевайтесь, приводите себя в порядок с дороги. Обедать мы приглашены к моему брату. А ужинать будем в доме отца. Там соберется человек сто пятьдесят – двести.

Ничего себе программа на день! А подруги даже еще толком не пришли в себя после перелета. Про Верунчика и го-

ворить нечего. Она еле стояла на ногах, верней, на одной ноге.

– Крис, тебе не кажется, что для Верунчика такая насыщенная программа будет в тягость?

– Ничего нельзя изменить, – тут же насупился Крис. – Петрес – любимец отца. Если вы ему понравитесь, можно считать, что мою помолвку с Веруней отец одобрит. Если же нет...

Крис на мгновение замялся, но затем встряхнулся и воскликнул:

– Однако не будем думать о плохом! Я уверен, что вы понравитесь моему брату. Все будет в порядке.

И с этими словами он провел девушек в дом, а потом начал подталкивать их к какой-то странной конструкции, которая вела под потолок. Оказалось, что это стеклянная лестница, причем каждая из ступеней мало того, что была прозрачна, она еще и крепилась таким хитрым способом, что издалека казалось, будто ступени парят в воздухе. Ступать по этой лесенке было страшно. Да еще шла она не вертикально вверх, ступени закручивались лихо по спирали.

Возможно, как дизайнерское решение – это было смело и ново. Но вот ходить по такой лестнице, особенно с непривычки, было страшно.

Верунчик, так та и вовсе выпала в осадок.

– Мне с моей ногой на этой штуковине нипочем не удержаться. И где перила? Где перила, я спрашиваю? Всякая нор-

мальная лестница имеет перила!

Перил не было. Видимо, хвататься предстояло за воздух.

– А... А другого пути наверх нету?

– Вам не нравится моя лестница? – снова обиделся Крис. –

Но я докажу вам, что это очень удобно!

И он поднялся по лестнице. Но даже его пример не смог заставить девушек сдвинуться с места.

– Ну и оставайтесь там! – крикнул им Крис сверху. – Трусихи!

С этими словами он исчез, оставив ошеломленных девушек внизу.

– Можете подняться на лифте, – услышали они позади себя голос Лимпо.

– У вас есть лифт?! – возликовали все трое. – Что же вы сразу не сказали?

Лифт тоже был стеклянный. И пол в кабине был прозрачный. Но это все-таки было куда лучше, чем парящая в воздухе лестница.

– Вы тут работаете один? – спросила Кира у слуги.

– Мистер Кристофер нечасто бывает дома. Так что мои обязанности меня не утомляют.

Подруги только вздохнули. Они понимали Кристофера, который старался пореже бывать в своем доме. Несмотря на потрясающий дизайн, жить в этом прозрачном кубике, разделенном на три части, казалось довольно проблематичным. Особенно когда дело касалось спальных помещений. Они то-

же оказались с прозрачными стенами.

– А как быть с этим?

И Кира указала на три стеклянные стены, которые позволяли обозревать все окрестности: купающихся соседских детей, жарящего мясо на гриле соседа, трех собак и одну симпатичную девушку, загорающую на своей крыше в шезлонге. Девушка была абсолютно обнаженной. Она лениво потягивала коктейль через соломинку и, казалось, понятия не имела, что за ней наблюдают.

– Что вы имеете в виду?

– Тут же все... э-э-э... прозрачно. Мы видим их, они видят нас.

– Не беспокойтесь. Это специальное стекло, снаружи вас не видно.

Леся распахнула дверь в ванную комнату и ахнула. Вместо пола в ней плескалась вода.

– Лимпо! Вас затопило! – воскликнула она. – Наверное, трубы прорвало. У нас такое было. Скорей вызывайте сантехников или кто у вас тут есть. Скорей! Сейчас пол провалится до первого этажа, и весь дом зальет!

Впервые на губах Лимпо появилось подобие улыбки. Но своей безупречной вежливости он не потерял и тут:

– Не беспокойтесь, мисс. Это всего лишь голографическое изображение. Никакого потопа тут нет. Просто такая картинка. Видите, там даже рыбки плавают.

Леся пригляделась и увидела, что под ногами в волнах и

водорослях весело плещутся разноцветные мальки.

– А... Ну, да... теперь все ясно.

Лимпо величественно кивнул и наконец удалился. А девушка дала выход своим чувствам:

– Нет, ты как хочешь, а этот парень совершенно чокнутый! Стены прозрачные. Пол из воды! Лестница парит в воздухе. Он больной на всю голову, этот наш Крис!

– Тише! – зашипела на нее Кира. – Еще услышит!

– Ну и пусть слышит. И вообще, что он там услышит? Этот парень ни бельмеса не понимает по-русски.

– Я говорю про Верунчика. Ей не понравится, если она услышит, как ты отзываешься о ее женихе.

Но Верунчик, которая поселилась в спальне напротив, когда подружки заглянули к ней, и сама выглядела не слишком веселой. Она растерянно посмотрела на подруг и тихо произнесла:

– Не знаю, как-то я себе все это иначе представляла.

– Тебе тут не нравится?

– Пока не очень.

– Нога болит?

– И нога болит, и вообще... Девочки, вы считаете, я правильно сделала, что приехала сюда?

– Насчет тебя не знаю. А вот то, что ты нас с собой прихватила – это стопудово ты правильно поступила!

Верунчик повеселела. И сказала, что она, пожалуй, примет душ, если только подружки поддержат ее ногу с гипсом,

который нельзя мочить. Принимать душ, держа ногу параллельно полу – это не самое легкое дело. Но подружки с Верунчиком все же справились.

После этого мероприятия подружки ополоснулись и сами. И прилегли отдохнуть. У них было еще два часа до назначенного Крисом сбора. И они намеревались использовать это время с толком. Однако заснуть им, как они ни старались, так и не удалось. Девушки только даром проворочались в кроватях, не понимая, в чем тут дело. Кровати были удобными. Воздух, дующий из кондиционеров, прохладным. Сами они сильно устали. Так в чем же дело? Почему сон упрямо не шел к ним?

– Кажется, я знаю, в чем причина.

– И в чем?

– Эти стены... окна... не знаю, как их назвать. Они прозрачные. Мы не можем отгородиться от мира. Мы все время словно бы на ладони у всех соседей. Мне кажется, что они нас видят.

– Точно.

И хотя Лимпо клятвенно заверил друг, что снаружи ни одну из них не увидит никто из соседей, но спать, когда все вокруг занимается своими делами, развлекаются, бегает и резвятся, не было никакой возможности. Еще хуже обстояло дело с унитазом. Нет, он не был прозрачным, только квадратным. Но сидеть на квадратной тумбе, когда вокруг тебя стеклянные стены – это удовольствие было тоже не для по-

друг. Кира попыталась, но у нее так ничего и не получилось.

– Не могу я писать при всеобщем обозрении, – с этими словами она вышла из туалета. – Не говоря уж о том, чтобы сходить по-большому. Наверное, мы с тобой страшно отста-
лые, да?

– Мы-то с тобой нормальные. А вот этот Крис... Тебе не кажется, что он все-таки очень странный?

– Настроение у него меняется довольно часто. Но возможно, он просто так реагирует на приезд невесты? Потом все успе...

Договорить Леся не успела. Внезапно внизу раздался громкий женский вопль. Подруги обменялись дикими взглядами:

- Верунчик!
- Свалилась!
- Сломала себе вторую ногу.
- Руку!
- Шею!
- Голову!

Но, выскочив из спальни, подруги наткнулись на вполне живую и здоровую Лесину родственницу. Верунчик была в гипсе, но выглядела как обычно. Да и крик шел откуда-то снизу. Излишне говорить, что пол в коридоре тоже был прозрачным. И все три девушки хорошо видели, что происходит внизу.

А там разворачивалась удивительная сцена. Молодая

негритянка, повиснув на Лимпо, била его маленькими кулачками по широкой груди и громко кричала. Что именно она кричала, подруги разобрать не могли. Язык был им незнаком. Однако негритянка несколько раз повторила одно и то же имя.

– Она что-то говорит про Криса.

– Неужели это его любовница?

– Не может быть! Крис ни за что не стал бы встречаться с черной женщиной.

Подруги уже поняли, что жизнь в Южной Африке до сих пор очень четко делилась на белое и черное. И мужчины из влиятельных белых семей Кейптауна да и других городов ЮАР не стали бы встречаться с черными женщинами. Это было недопустимо, невозможно, неправильно. Это было неписанным законом, за нарушение которого можно оказаться изгнанным из своего клана.

– Но она что-то хочет от Лимпо.

– Хочет поговорить с Крисом.

– А Лимпо ее не пускает.

Лимпо казался очень разгневанным и одновременно смущенным. Он пытался вытащить девушку прочь из дома, пытался зажать ей рот рукой. Но девушка вырывалась из него рук, кусалась, брыкалась. И наконец ей это удалось. Одним прыжком красотка преодолела половину расстояния до прозрачной лестницы. И через мгновение взлетела вверх, ничуть не смущаясь того, что ступеней у нее под ногами совсем

не видно.

– Ох, ни фиги себе!

Старый Лимпо не поспевал за молодой захватчицей. А негритянка уже неслась наверх, пронзительно визжа:

– Крис!.. Крис!..

При этом каждый раз она добавляла несколько слов, смысла которых подруги не понимали. Но вряд ли это было что-то ласковое. Выражение лица негритянки не позволяло им так думать. Однако, оказавшись на втором этаже, негритянка увидела трех застывших посреди коридора подруг и тоже застыла. Вид у нее был очень растерянный. Она явно не ожидала наткнуться тут на посторонних.

– Крис? – повторила она без прежней угрозы в голосе, скорей просительно.

Все три девушки отрицательно помотали головами, надеясь, что этот жест окажется достаточно интернациональным, чтобы негритянка поняла. Ей лучше уйти и вернуться позднее. Но девушка так вовсе не думала. Она сделала шаг в направлении подруг и горячо заговорила. При этом она делала руками странные жесты, то ли угрожая, то ли оберегая подруг.

– Слушай, подруга, мы тебя не понимаем, – произнесла наконец Кира в большой досаде.

Негритянка замерла с открытым ртом.

– Инглиш? – затем произнесла она.

– Йес! – обрадовались подруги. – Говоришь по-англий-

ски?

Но если даже девушка и знала язык Шекспира, воспользоваться своими знаниями она не успела. Ее настиг Лимпо, выскочивший из лифта, словно старый и страшный черт из табакерки. Негритянка завизжала, но на сей раз Лимпо был настроен решительно. И все же кое-что негритянке удалось сказать.

– Бегите! – кричала она. – Уходите из этого дома! Скорей! Скоро сюда придет беда!

Наконец Лимпо удалось запихнуть смутьянку в лифт, двери за ними захлопнулись, и вопли девушки стали глуше, а потом и вовсе стихли. Подруги не знали, что именно сказал ей Лимпо, как ему удалось выдворить скандалистку из дома. Наверное, он пригрозил ей полицией или чем-то еще более страшным. Но так или иначе, в доме вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием трех перепуганных подруг.

Глава 3

Запершись у Верунчика в спальне, которая оказалась самой большой, что сразу же указывало на привилегированное положение хозяйской невесты, все трое обменялись взволнованными взглядами.

– Что это было? Кто может мне сказать?

Кира и Леся затруднялись с ответом.

– Возможно, это бывшая служанка?

– Лимпо сказал, что и один отлично со всем тут управляется.

– Тогда... это его подружка.

– Подружка?

– Да. Старый греховодник завел шуры-муры с красоткой, потом бросил ее, а теперь она является сюда, чтобы поскандальить и покачать права.

– Лимпо выглядит таким неприступным.

– Он мужчина. И вполне может иногда позволить себе шалость с симпатичной малышкой.

– Но она хотела видеть Криса.

– Ты в этом так уверена?

– Она несколько раз подряд произнесла его имя.

– Значит, она хотела ему пожаловаться на поведение его слуги. А что? Вполне логично обратиться за защитой и поддержкой к самому хозяину.

Но Верунчик так не считала:

– Девчонка совсем молоденькая. А Лимпо выглядит лет на пятьдесят, а то и на все шестьдесят.

– И что? Как говорится, старый конь борозды не испортит. Верунчик поморщилась:

– Не знаю, что ты имела в виду, но у этой девицы с Лимпо никакой симпатии в отношениях не наблюдалось. Он даже пару раз дал ей тумака.

– Любит еще, потому и бьет!

Но вернувшийся Лимпо разъяснил подругам ситуацию:

– Приношу вам тысячу извинений за причиненное моей внучатой племянницей неудобство.

– Это была ваша племянница?

– Девочка выросла без матери, без родительского призора. Я оплачивал ее содержание, но, увы, школа, в которой она училась, была не самой лучшей. Девчонка набралась дурных манер, вы это могли сегодня и сами видеть.

– Но она хотела видеть Криса.

– Вбила себе в голову, что он должен заплатить мне жалованье.

– Крис задерживает вам заработную плату?

Лимпо помялся, но все же ответил:

– Это я так сказал Замбии.

– Но зачем?

Лимпо смутился еще больше.

– Видите ли, Замбия связалась с дурной компанией. Бо-

юсь, они подсадили ее на наркотики. Она стала требовать от меня все больше и больше денег. А я не хочу ей их давать. Девчонка врет, придумывает всевозможные уловки и увертки, чтобы выманить у меня немного денег. Я не хочу давать деньги, не хочу, чтобы она кололась. Вот и придумал эту отговорку.

Да, если родственница Лимпо – наркоманка, то это все объясняет. И ее истеричное поведение, и повышенную возбудимость.

– Очень вас прошу, не говорите хозяину о случившемся.

– Почему? Вам стыдно?

Лимпо понурил седую голову, и подругам стало смертельно жалко старого слугу.

– Ну конечно, мы ничего не скажем Крису! Он ничего не узнает. А вы отправьте вашу племянницу в хорошую клинику. Может быть, еще не слишком поздно.

Лимпо кивал головой. Но подруги не заметили странного, полного сожаления и растерянности взгляда, который он кинул на них, когда они снова скрылись в комнате Верунчика. О том, чтобы снова лечь спать, не было и речи. Девушки были слишком возбуждены, чтобы уснуть. Да к тому же вскоре вернулся и сам Крис, который объявил общий сбор.

На сей раз Крис был полон энтузиазма. И уже не помнил о том, как невежливо покинул друг совсем недавно.

– К двум часам дня нас ждут на обед у моего брата. А в шесть мы все обязаны предстать перед светлыми очами мо-

его батюшки. Лимпо, старая ты обезьяна, ты до сих пор не приготовил мой костюм? Чем ты занимался тут без меня? Спал?

– Крис, не ругайся на Лимпо... пожалуйста. Он не виноват. Это все...

Но тут Кира поймала взгляд старого слуги, который был устремлен на нее. В нем была такая паника, что девушка даже вздрогнула. Тем не менее она смогла договорить свою мысль до конца:

– Это все мы с девочками... Совсем загоняли Лимпо. То нам надо было свежего сока, то бутербродов, то поняли, что нет крема для увлажнения кутикул. Пришлось твоему Лимпо мчаться и искать требуемое.

– Крем для чего?.. Впрочем, это уже неважно, – раздраженно откликнулся Крис. – Нам надо ехать, и побыстрей.

Крис снова выглядел недовольным, но все-таки в меру. А вот Лимпо, проходя следом за своим хозяином, метнул в сторону подруг полный благодарности взгляд. Кем бы ни была девушка, устроившая беспорядок в доме, Лимпо не хотел ее выдавать. А Крис, как поняли подруги, был весьма вспыльчив и подвержен резким сменам настроения.

Чтобы не усугублять ситуацию еще больше, подруги быстро принарядили Верунчика.

– Все-таки первое впечатление самое важное. А сегодня ты познакомишься со всей семьей своего Криса.

– Радуйся, жених настроен серьезно, раз уж сразу же зна-

комит тебя со своей родней.

Но Верунчик выглядела какой-то расстроенной.

– Не так я себе все это представляла.

– А как?

– Ну, я думала, сначала мы с Крисом поживем недельку-другую отдельно, познакомимся друг с другом получше. Решим, действительно ли мы так подходим друг другу, как нам это казалось на расстоянии.

– Ты даешь! – возмутилась Кира, которая в глубине души понимала Верунчика. – Пролетела половину земного шара, а теперь тебя сомнения одолели? Раньше надо было думать, а теперь одевайся и топай знакомиться с родней.

Но оказалось, что подругам тоже надлежит присутствовать.

– Без вас я никуда не пойду! – вцепилась в Лесю с Киной перепуганная Верунчик.

– Мы тебя и сами одну никуда не отпустим. Куда тебе с твоей-то ногой!

На Веру подруги нацепили самое длинное платье, какое только нашлось в ее чемодане и которое почти полностью маскировало ее ногу. Получилось очень даже стильно. Ну и про себя подруги тоже не забыли, хотя на укладку волос Верунчика ушло почти все отпущенное им время. Себя подруги красили и наряжали уже на ходу, под громкий аккомпанемент голоса Криса, который торопил их изо всех сил, топая ногами и ругаясь.

Но когда все три девушки спустились к нему на лифте, Крис оттаял.

– Богини! – совершенно искренне восхитился он. – Ослепительно! Отец будет сражен наповал!

Но сначала предстояло знакомство со старшим братом Криса – Петресом.

– Не удивляйтесь, когда его увидите. Петрес старше меня всего на пять лет, но кажется, что между нами четверть века. Он такой зануда и педант, честно говоря, даже не знаю, зачем мы к нему едем. Могли бы сразу же отправиться на прием в дом отца. Петрес все равно тоже туда прибудет.

В общем, понять Криса было затруднительно. То он сам торопил подруг из всех сил и не давал им нормально собраться. То вдруг передумал и начал говорить о том, что можно никуда и не ехать. И подруги в очередной раз подумали, что какой-то этот Крис странный. Но говорить об этом Верунчику они не стали. Бедняжка и так трепетала, словно осиновый листок. И несмотря на теплую, даже жаркую погоду на улице, руки у нее были холодными, как у покойницы.

– Да не бойся ты так! Подумаешь, не понравишься будущей родне. Ты ведь и сама пока что не горишь таким уж желанием выходить замуж за Криса?

– Все равно, некрасиво получится, если я им не понравлюсь.

– О, господи, да понравишься ты им всем!

А про себя подруги подумали, что Верунчик тоже со

странностями. Сама не знает, чего хочет. То ноет, что ей тут не нравится, то мечтает остаться навсегда.

Дом Петреса был совершенно иным, чем дом его брата. Он тоже был просторный и новый. Но если дом Криса казался наполненным светом и простором, иной раз даже доходящим до абсурда, то дом Петреса был мрачен и максимально закрыт от света. Маленькие окошки на фасаде были немногочисленны и задвинуты снаружи еще и ставнями. Плотные шторы, мебель из черного дерева, темные стены.

Снаружи он был облицован камнем, а внутри все было декорировано в стиле сафари. На стенах висели головы диких животных. И подругам сразу же стало не по себе. Им казалось, что мертвые антилопы гну и даже красавец африканский лев следят за ними стеклянным укоризненным взглядом.

– Это все ваши трофеи? – почтительно осведомилась Кира у Петреса, обращаясь на «ты» к которому даже она при всей своей смелости не решилась.

Было что-то такое в этом мужчине, что не позволяло держаться с ним запанибрата. Петрес молча кивнул.

– Петрес у нас заядлый охотник! – тут же радостно воскликнул Крис, приняв из рук молоденькой белой служанки стакан с виски. – Всех этих зверей он убил своими руками.

– Seriously? Своими руками?

– Шучу, конечно, – захохотал Крис. – У Петреса есть джип и винтовка.

Бедные зебры и антилопы! У них просто не было шанса уйти от охотника. К тому же в дикой природе зверей не осталось вовсе. А прикормленные в заповедниках и заказниках людьми, привыкшие к их постоянному присутствию, звери уже не так их опасались. И в этом было что-то еще более унижительное, чем полное, тотальное уничтожение животного мира Африки. Пришедшие ему на смену заказники и заповедники были ничем не лучше. В них животных также время от времени отстреливали. Да еще и брали за их отстрел деньги с желающих.

— А с другой стороны, едим же мы свинину и говядину? Тут хоть мясо пасется на воле, а не мучается в тесных клетушках.

Крис хохотнул, но тут же сконфуженно замолчал, глянув на брата. Петрес продолжал молчать, задумчиво позвякивая кубиками льда в своем стакане. Он испытующе смотрел на Верунчика, время от времени делая глоток спиртного. За все то время, что подруги провели в его доме, брат Криса ни разу не произнес ни одного слова, он даже не встал, когда девушки вошли в комнату.

Таким образом, говорил один Крис. И пока он молол всякую ерунду, подруги ерзали на своих стульях. Они не понимали, какого черта Крис привел их в этот дом. Петрес сидит, словно неживой. Непохоже, что он рад приходу гостей.

— Он так смотрит на Верунчика, скоро дырку в невесте своего брата проделает.

Но наконец Петрес явно принял какое-то решение. И, перебив Криса на середине фразы, внезапно поднялся на ноги и любезным тоном произнес:

– Наверное, вы хотите осмотреть мой дом? Пойдемте, я покажу вам также другие мои охотничьи трофеи.

Все лучше, чем просто молчать и вызывающе пялиться на Верунчика. И хотя девушки совсем не рвались глазеть на мертвых животных, им пришлось подняться и покорно проследовать за хозяином. Дом Петреса буквально утопал в коврах, сделанных из шкур диких зверей. Огромная кровать в его спальне была накрыта балдахином в виде четырех фигурок слонов, поддерживающих его.

Одеяло на кровати было сшито из шкуры снежного барса. Всю стену напротив кровати занимало чучело носорога. А на полу лежала шкура огромного тигра, из чего подруги сделали вывод, что Петрес ездит охотиться по всему миру. Тигр был совершенно огромным. Носорог ничуть не уступал ему. И разве эти животные не находятся под защитой? Разве на них можно охотиться?

Но оказалось, это далеко не самое худшее, что ожидало подруг в доме Петреса.

– А вот тут у меня хранятся трофеи особого рода.

С этими словами Петрес открыл маленькую дверь, которая вела из его спальни в еще одно помещение. Подруги вошли туда и не сразу поняли, где очутились. А когда поняли, то их буквально мороз по коже продрал.

– Ой, мамочки, – прошептала впечатлительная Леся. – Уведите меня отсюда! Ноги сами не идут!

Но даже закаленная и всякое в своей жизни повидавшая Кира и бывалая Вера не могли пошевелиться. Стояли, судорожно глотали воздух и смотрели на многочисленные человеческие черепа, которыми были заставлены полки в этой комнате.

– Это мой рабочий кабинет, – словно бы издалека донесся до них голос Петреса. – Изучаю культы мертвых. Очень интересная тема. Вы знаете, что культ вуду в нашем двадцать первом веке уже официально признан папой римским наравне с другими мировыми религиями?

Голос Петреса доходил до подруг с трудом, как будто бы пробивался через плотный слой ваты. В ушах у девушек гудело. И они боялись, как бы не попадать в обморок. К счастью, Крис первым заметил, что с девушками что-то не так, и вывел их обратно в спальню.

– Ну как? – поинтересовался он у подруг, когда те обрели возможность дышать и говорить.

– Большого ужаса мне давно не приходилось испытать.

– Твой брат Петрес страшный человек.

А Леся высказалась совсем просто:

– Какая гадость!

После этого кабинета подругам уже не хотелось оставаться в доме Петреса. Хорошо, что пришло время собираться, а потом и отправляться в дом господина Якоба – отца

двух братьев. За то время, пока Петрес переодевался, подружки успели привести себя после общения с миром мертвых в относительную норму с помощью виски со льдом. И почувствовали себя гораздо лучше.

Кира даже попыталась пошутить на эту тему:

– Предупреждаю, Крис, если у твоего папы нас ждет что-то в том же духе, я напьюсь!

На что получила исчерпывающий ответ:

– Ты же не моя невеста, ты можешь делать все, что тебе захочется.

Если братья жили в новых домах, построенных ими самими в их собственном вкусе и отражавших личности хозяев, то дом их отца был старинным и величественным родовым гнездом. За высокими ажурными воротами простиралась широкая аллея, усаженная с двух сторон старыми деревьями и засыпанная красным гравием. Она вела до самого дома, выстроенного в классическом стиле – с неизменными белыми колоннами и портиком.

– Какой красивый дом! – ахнули все три девушки, едва его увидев, не сговариваясь между собой.

От особняка веяло такой силой и уверенностью, какая бывает присуща только старинным вещам. Они уже пожилы предостаточно и на своем веку всякого повидали. Поэтому и держались они всегда с подчеркнутым достоинством, какое не под силу даже самым эксклюзивным, но, увы, новодель-

ным штучкам.

Вышедший встречать гостей хозяин дома был под стать своему особняку. Горделивая осанка, окладистая белая борода, хотя сам господин Якоб был не старым еще человеком. На вид ему можно было дать лет шестьдесят – шестьдесят пять. И наличие рядом с ним молодой красивой жены, которая взидала на него с откровенным почтением и трепетом, лучше всяких слов показывало, что отец у братьев еще огого! Способен дать фору даже молодым.

– Ну, Верунчик, повезло тебе, – прошептала Леся, едва они прошли в дом, где уже собралось общество. – Если выйдешь замуж за Криса, проникнешь в высшее общество этой страны! Посмотри, какие люди вокруг нас!

Все собравшиеся тут выглядели по меньшей мере на миллион долларов, невзирая на то были ли они одеты в строгие костюмы или отдали предпочтение кожаным брюкам и шелковым рубашкам – прием был неофициальным, все собравшиеся тут были родственниками или друзьями хозяина дома.

– Прием-то не в мою честь, – разобравшись в ситуации, разочарованно прошептала Верунчик. – У этой рыжей кошелки – жены Якоба – сегодня день рождения! Это ее гости, а не мои!

Оказывается, Верунчик вообразила себе, что прием был устроен отцом Криса в честь ее приезда. Дескать, такая радость, прибыла невеста его младшего сына из далекой Рос-

сии. Приходите все смотреть на нашу красавицу! А господин Якоб о появлении Верунчика даже еще и не слышал. Это был болезненный щелчок по самолюбию невесты!

– Ну и радуйся, что прием не твой, – шепнула ей ободряюще Леся. – Слишком много помпы тоже ни к чему.

Но Верунчик все равно надулась, словно мышь на крупу. Южная Африка преподносила ей один сюрприз за другим. Люди тут были какими-то весьма странными, антиподы, чтобы их!

– Я хочу домой, – неожиданно взгрустнулось девушке. – Зачем я сюда приехала?

– К жениху, ты забыла?

– Крис вьется возле своей мачехи. Про меня он совсем не помнит.

Крис действительно суетился возле рыжеволосой стройной женщины, которую подругам представили в качестве хозяйки дома. К своему статусу эта красотка явно еще не успела окончательно привыкнуть. Чувствовала себя среди многочисленного скопления людей не совсем уверенно. И, судя по репликам, которые удалось подслушать подругам, рыжей Бет было от чего тушеваться.

– Выходка!

– Окрутила Якоба, голодранка!

– Ей нужны его деньги, слепому видно!

– Говорят, у нее уже было несколько неудачных романов с другими мужчинами.

– Да что вы? О, ужас!

В общем, в адрес рыженькой Бет было сказано все то, что обычно говорят в адрес молодой жены старого супруга. Но в данной ситуации подруги скорей могли счесть жертвой саму Бет. Господин Якоб производил впечатление далеко не мягкого и покладистого дедушки, а жесткого и даже жестокого человека.

Кроме этих сплетен, курсируя по залу как бы в поисках новых закусок и угощения, а на самом деле подслушивая обрывки чужих разговоров, подруги узнали, что братья – Петрес и Крис – родились у господина Якоба от двух разных женщин. И ими перечень детей господина Якоба не заканчивался.

– А где же их сестра, очаровательная Пэм?

– Ее не стоит ждать. Помните, что она выкинула год назад во время свадьбы своего отца?

– Запустила петарду, которая взорвала свадебный торт? Нам его так и не подали!

– После этого Якоб запретил дочери переступать порог своего дома.

– Ну, это он сгоряча. Торт заляпал его фрак, поэтому он вспылил. Свою Пэм он обожает.

– И тем не менее вот уже год, как девочка не появляется в доме отца.

Итак, у Криса с Петресом имелась еще и сестрица, судя по отзывам, еще та оторва! Но Верунчик, к которой подруги

вернулись с этими интересными новостями, отнеслась к ним прохладно.

– Не понимаю, зачем вы забиваете себе голову всякой ерундой, – с заметным раздражением произнесла она. – Вы приехали сюда, чтобы поддерживать меня. Плевать и на Петреса, и на его сестрицу, тем более что ее тут нет! Будете меня поддерживать?

– Да, само собой разумеется.

– Вот и поддерживайте! А то бросили меня одну в углу, сами свинтили. А я сиди тут...

Верунчик едва не плакала. И подруги мигом устыдились своего поведения. Верунчику с ее ногой за ними не угнаться. Но как быть? Ведь вокруг столько интересного. Если они хотят Верунчику счастья, надо разобраться в хитросплетениях и интригах, которых, похоже, полно в будущей семейке Верунчика и ее жениха. Да и насчет личности самого жениха тоже разузнать не помешает.

– А на тебя поглядывает один весьма симпатичный молодой человек.

– Кто он? – немедленно оживилась Верунчик, передумав плакать и возвращаться домой. – Где?

Она завертела головой по сторонам. Основным инстинктом Верунчика был инстинкт охотницы. Она не могла пропустить мимо себя ни одного мужчины, в котором чуяла потенциальную добычу. И что с того, что она приехала в Южную Африку, чтобы выйти замуж за Криса? Всегда можно

произвести рокировку, партия-то ведь еще не сыграна, марш Мендельсона не прозвучал, и пастор не объявил их мужем и женой.

На Верунчика и впрямь смотрел очаровательный белокурый юноша, небось тоже дальняя родня или школьный приятель братьев. Как без труда поняли подруги, белое население Кейптауна, да и всей Южной Африки, было весьма немногочисленным по сравнению с черными его обитателями. Белые держались вместе, поэтому за долгие столетия успели либо породниться, либо передружиться, либо насмерть перессориться между собой. Но, так или иначе, их всех связывали тесные отношения.

Белокурого юношу звали Томасом. Он оказался художником-декоратором, а попросту дизайнером, который оформлял дом господина Якоба. Но при этом еще и братом нынешней супруги господина Якоба – мачехи Криса и Петреса.

– Не видать бы мне этого заказа, кабы не протекция сестры. Сразу же после свадьбы она сказала мужу, что необходимо обновить и освежить интерьер в доме. Господин Якоб все понял правильно и нанял меня.

– Значит, ты брат хозяйки дома?

– Да. Хотя Бет до сих пор себя таковой не считает. В отсутствие мужа она даже предпочитает ночевать в домике для гостей. Говорит, что там ей уютней, чем в непривычно большом для нее доме.

Оставив Верунчика в обществе приятного юноши, кото-

рый был не прочь поболтать с незнакомкой, освободившиеся от своей обязанности дуэний подруги вновь отправились в обход зала.

Весь прием проходил на первом этаже. И поэтому, миновав приемный зал, где подавались легкие закуски и снова ли официанты с шампанским и другими напитками, можно было выйти в сад. Даже не просто в сад, а в чудесный сад, в котором между старинными деревьями были разбиты дивно пахнущие цветники, проложены аккуратные дорожки и расставлены стулья и качели для желающих передохнуть на свежем воздухе.

Суровый господин Якоб не был чужд сентиментальности. И сегодня вечером в саду планировался фейерверк, посвященный двадцатипятилетию его супруги.

– Ну как вам? – услышали они за спиной знакомый голос, а обернувшись, увидели Петреса.

Старший сын стоял с неизменным стаканом виски в руках, который невозмутимо побалтывал точно так же, словно и не уходил из своего собственного дома.

– Нравится праздник?

– Чудесный дом, чудесный праздник.

– М-м-м... Это вы еще не видели Пэм.

– Вашей сестры?

– Она скоро явится. Тогда-то и начнется настоящее веселье.

– Вроде того, когда был уничтожен свадебный торт?

– Вас уже просветили, – хмыкнул Петрес. – Да, Пэм не любит нашу нынешнюю мачеху. Уверен, она не упустит такую отличную возможность насолить отцу и испортить удовольствие его рыжей сучке.

– Это вы о...?

– Да, да! О нашей новой мачехе. О той безродной твари, которую мой отец подобрал где-то в канаве и которую теперь слушается во всем!

В голосе Петреса слышалась пьяная агрессивность. Все-таки не стоило ему в таких количествах заливать в себя виски. Это могло привести к нежелательным последствиям, если уже не привело.

И все же подругам не хотелось скандала. Такой прекрасный вечер, первый их вечер на этой земле, не должен омрачиться выходкой Петреса или кого-то там еще. И поэтому подруги сделали попытку отвлечь Петреса разговором на другую тему. А что может быть для человека интереснее, нежели он сам? Правильно, ничего. Вот подруги и завели беседу о самом Петресе.

– Петрес, скажите, вы ведь живете в Южной Африке с самого рождения?

– Да! Я тут родился. Впрочем, не я один. Мой брат и сестра тоже родились в ЮАР, как и многие поколения моих предков.

– И тут всегда было... так?

– Как?

– Ну... тревожно.

– Я помню времена, когда черным запрещалось садиться в один автобус с белыми! Черные и цветные ходили в свои школы, читали книги в своих библиотеках, и существовали специальные места, где они только и имели право голоса. В мире белых они голосом не обладали.

– А вы в их мире?

– Нам их мир никогда и не был нужен!

Ага, правильно, вам была нужна лишь дешевая рабочая сила и покорность от черного населения.

– И ты считаешь, что раньше было лучше?

Но Петрес, как ни странно, не впал в безоглядное обличение новых порядков. Он вновь задумчиво побрякал кубиками льда в своем красивом хрустальном стакане и произнес:

– Думаю, этот чудак Нельсон Мандела искренне хотел всем добра. Наивный дурак, он думал, что белые, черные и цветные мирно уживутся, да еще и поделят поровну те богатства, которые скрыты в землях нашей республики. На деле все получилось совсем иначе. Черные, дорвавшись наконец до власти, принялись мстить, жечь и грабить. Еще немного, и от страны, какой мы ее знали, ничего не останется. Черные не способны управлять государством, для этого они слишком глупы, ленивы и малограмотны!

– Значит, Южная Африка обречена на постепенную деградацию? Она скатится обратно к той же нищете, которая царит на всем остальном Африканском континенте?

– Не знаю, что вам и сказать. Вернуться к прежней политике уже, конечно, никогда не получится. Вздумай мы снова заставить негров работать на нас, мировое сообщество тут же встанет на дыбы. Как же, права черного населения ущемляют! Но я уверяю, неграм в те годы, когда они работали и ни о чем не думали, жилось куда лучше, чем они живут сейчас. Негры не умеют думать, вот в чем дело.

– И ты считаешь, что вы не ущемляли ничьих прав?

– За тем, чтобы негры были сыты, одеты, обуты и получали необходимую медицинскую помощь, мы всегда следили. Черные работали на нас, а хорошие работники всегда на вес золота.

Иных надобностей, посерьезней сытной еды и чистой одежды, Петрес для своих черных соседей не видел.

– Но теперь вообще все изменилось! – зло воскликнул мужчина.

И, размахнувшись, Петрес с силой бросил свой опустевший бокал в ствол ближайшего дерева.

– Гребаная свобода! Негры совершенно к ней не готовы. Они доведут эту страну и нас всех вместе с ней до разорения!

Подруги со страхом посмотрели в ту сторону, куда улетел бокал Петреса. А у него в руках уже появился новый бокал. Похоже, черные слуги, которых было полно в доме господина Якоба, были совсем не так безнадежны, как описывал их Петрес.

Но обсудить с братом Криса его мнение на все политиче-

ские темы у подруг не получилось. В этот момент раздался громкий хлопок, а следом за ним послышались возбужденные голоса и восторженные крики.

– Ну, вот, – с явным удовлетворением произнес Петрес. – Уже и началось.

– Что? Что началось?

– Идите посмотрите. Не пожалеете.

– О чем?

– Ни о чем не пожалеете, – заверил подруг пришедший в отличное настроение Петрес. – Пэм никогда не делает ничего наполовину.

Заинтригованные этими словами подруги поспешили обратно в помещение, откуда и доносились крики. Сначала девушкам показалось, что люди чем-то испуганы. Но вскоре испуг перешел в радость и ликование.

Одна из стен оказалась занавешена однотонным полотнищем. Свет в зале не горел. Но зато по полотну шли разноцветные картины, одна причудливее другой. Звучала музыка, били барабаны. И картины, нарисованные лазером, сменяли одна другую. Нечто подобное подруги видели и прежде, но тут размах и задумка художника, придумавшего это лазерное шоу, поистине впечатляли.

Очень быстро девушки разобрались, что сюжет заключается в поздравлении рыженькой именинницы Беатрис. Это ей было посвящено шоу. Это ее прославлял художник. Имя Беатрис, ее фото, разные эпизоды из жизни были выписаны

на стене, умело сочетаясь с узорами и цветомузыкой.

Шоу длилось минут пятнадцать, ровно столько, чтобы оно не успело наскучить зрителям. И в конце его в разрывах сказочного фейерверка, распускавшегося на полотне, на подъемной платформе взлетела белокурая молодая женщина.

— Бет, с днем рождения тебя, моя новая мамочка! Понравился тебе мой подарок?

Подруги с интересом наблюдали за этой особой, а та, воспользовавшись тем, что все гости и даже слуги находятся под впечатлением увиденного зрелища, воскликнула:

— А вы, мои дорогие? Вам понравилось?

Зал откликнулся восторженным гулом. Да, лазерное шоу никого не оставило равнодушным. Спецэффекты были подобраны мастерски. Во всяком случае, подруги смотрели, буквально открыв рты. Да и почти все другие зрители тоже.

А неугомонная Пэм уже спустилась со своих подмостков и стояла возле отца с мачехой. Было видно, что все трое сильно смущены. Но вот господин Якоб сделал шаг и заключил свою блудную дочь в объятия, к явному неудовольствию ее мачехи, которую буквально перекосило. Рыжая Бет до сих пор не простила падчерице испорченную свадьбу, о которой год назад не говорил разве что слепоглухонемой. И сейчас мачеха подозревала, что ее падчерица принесет ей больше проблем, чем радости.

Отец обнимал дочь. А глаза Пэм сверкали торжеством. Она явно добилась того, ради чего затеяла весь этот спек-

такль. Отец вновь принял ее под свое крыло. Ну а ради чего ей все это понадобилось, можно было только лишь догадываться.

После того как господин Якоб прилюдно обнял и простил свою дочь, к Пэм немедленно поспешили и остальные. Как заметили подруги, белокурую бестию тут любили. Каждый хотел сказать ей что-то теплое и дружеское. В толпе мелькнула голова Криса. Брат тоже хотел приветствовать свою сестру. И это не понравилось его мачехе еще сильнее, чем прежде ей не понравились объятия отца с дочерью.

Рыженькая Бет явно была не душой. Она прекрасно понимала, в какой сложной ситуации находится. Взрослые дети ее мужа от прежних браков не собирались мириться с ее присутствием в жизни их отца. И сейчас их восстановившаяся консолидация не могла не беспокоить мачеху.

Про Верунчика снова все забыли. И когда подруги нашли ее там, где и оставили – под каким-то экзотическим растением, усыпанным белыми цветами, Верунчик была близка к тому, чтобы всерьез разреветься.

– Что тут вообще происходит? Кто эта девушка, с которой обнимается мой Крис? Это его бывшая невеста?

С трудом подругам удалось успокоить Верунчика, объяснив, что белокурая красавица – всего-навсего внезапно вернувшаяся сестра ее Криса.

– Но они совсем не похожи, – с удивлением отметила Верунчик.

– Ничего удивительного. Все дети господина Якоба от разных жен.

– А... Ну и ладно.

Для девушки, которая собиралась в скором времени выйти замуж, Верунчик была потрясающе равнодушна к сплетням и тайнам семьи своего Криса. На данный момент ее куда больше волновал один-единственный вопрос:

– Как думаете, Крис собирается знакомить меня со своим отцом?

– Разве он вас еще не познакомил?

Подруги точно помнили, что, когда они поднимались в дом, Крис представил их своему отцу. Подвел всех трех к господину Якобу и сказал:

– Папа, это мои гости из России.

И господин Якоб весьма милостиво приветствовал их. И даже присовокупил что-то о том, что он всегда восхищался Россией и мечтал побывать в Москве, да вот все как-то не складывалось. Мечта по-прежнему остается мечтой.

Но, оказывается, Верунчик имела в виду другое.

– Крис должен представить меня отцу в качестве своей невесты.

– Ты же еще сама час назад не была уверена, хочешь ли ты за него замуж.

– А теперь я уверена, хочу, – капризно произнесла Верунчик. – Почему Крис меня не представил своему отцу как полагается?

– Давай мы приведем к тебе Крису, и ты сама с ним все это обсудишь.

Верунчик снова слегка надулась, но потом все же согласилась. И подружки отправились на поиски Криса. Сначала они резво обежали весь зал, но затем Леся притормозила.

– Ты чего?

– Я тут подумала, стоит ли тащить Криса к Верунчику, когда она в таком настроении?

Кира тоже затормозила и вопросительно взглянула на подругу.

– Если Верунчик поссорится с Крисом, – объяснила Леся, – то нам придется выехать из его дома, перебраться в гостиницу, потом купить билеты и лететь назад. А я, если честно, еще не отошла толком от перелета сюда. Обратный путь и новые сложности мне пока что не по силам.

Кира кивнула. Она тоже порядком утомилась в пути. Дорога была нелегкой и сама по себе, а уж Верунчик, которая повисла на них тяжким грузом, полностью войдя в роль калеки, и вовсе доконала девушек. Пользуясь тем, что у нее больная нога, Верунчик ныла, капризничала и гоняла Киру с Лесей взад и вперед, помыкая ими, как своими личными рабынями.

– Нет уж! – невольно вырвалось у Киры. – Нельзя допустить, чтобы Верунчик поцапалась с Крисом. Кто же тогда будет возиться с ней?

– Так, не будем звать к ней Криса?

– Нет. Пусть Верунчик выместит свое плохое настроение на ком-то другом. А с Крисом будет милой и ласковой.

И подружки решили, что со своей стороны они сделают все возможное, чтобы Верунчик осталась на попечении Криса как можно дольше. И, очень довольные достигнутым взаимопониманием, отправились пить освежающее ледяное шампанское и есть потрясающе огромных креветок.

Южная Африка – это поистине страна изобилия. И неудивительно, что страсти из-за обладания этой чудесной землей так накалились.

Глава 4

На следующее утро подруги едва разлепили глаза. Выпитое ими накануне на празднике местное шампанское оказалось весьма вкусным. Привезли его в подарок господину Якобу какие-то его старые друзья – владельцы собственного заводика по производству вин, в том числе и шампанских, то есть шипучих. Но за минувшие столетия эти люди научились так отлично готовить свои вина, что те заслужили самую высокую мировую оценку. Вот и выпили подруги этого вина так много, что сегодня с трудом могли вспомнить вчерашнее.

– Кажется, вечер знакомства с семьей Криса прошел неплохо?

В голосе Леси не случайно звучал опасливый вопрос. Вчерашний вечер она помнила лишь частично. Что называется, тут помню, там не помню.

– А где Верунчик?

– В своей спальне.

– С Крисом?

– С гипсом! Какой Крис, если Верунчик самостоятельно еле может передвигаться?

– Тогда мы ей не помешаем, как ты думаешь?

Кира в ответ только простонала и накрылась с головой одеялом. Этим жестом она показывала, что не хочет ничего знать и просит, чтобы ее оставили в покое.

– Ну, лежи, лежи. А я пойду проведу обстановку. Кофе тебе принесу.

В ответ на это Кира промычала что-то неразборчивое, что можно было понять и так, и эдак. Но, не припомнив утра, когда Кира отказалась бы от утреннего кофе, Леся выбралась из спальни. Выйдя в коридор, она снова поежилась от чувства тошноты, которое подкатывало к горлу всякий раз, когда ей приходилось ступать на стеклянный пол.

– И придумают же только... Ерунда какая-то! Как в таком доме жить, уму непостижимо. Придется Верунчику застелить тут все коврами или как у Петреса дома – шкурами.

При воспоминании о Петресе в душе у Леси шевельнулось какое-то очередное неприятное чувство. Кажется, вчера под вечер Петрес принялся ухаживать за ней. Во всяком случае, последние три бокала шампанского из тех, что она помнила, были принесены именно им.

– Спаивал он меня, что ли? Но с какой целью?

Никаких романтических преследований со стороны Петреса в адрес Леси, невзирая на выпитое ею шампанское и изрядную степень опьянения, не последовало. Или она этого просто не помнила? Надо было срочно восстанавливать пробелы в памяти.

– Верунчик? Верунчик, ты как?

Но в спальне Верунчика не было. Немного удивившись, куда это могла подеваться ее сестрица вместе со своим гипсом, Леся спустилась вниз, нашла кухню, а в ней обнаружила

Лимпо.

– Дядюшка Лимпо, милый вы наш, скажите, вы не видели моего Верунчика?

– Вы имеете в виду невесту господина?

– Да. Именно ее я и имею в виду.

– Она там, где ее место.

– А где ее место?

– В спальне хозяина, разумеется.

Леся на время потеряла дар речи. Чтобы вновь обрести его, ей пришлось выпить целую чашку кофе, услужливо поставленную перед ней Лимпо.

– Вы... вы уверены?

– Разумеется.

Ну и Верунчик! Ну и прыть! Вчера прямо висла на подругах, делала вид, что и шагу без посторонней помощи ступить не может, а тут вдруг оторвалась по полной программе.

– Но у нее же гипс! – забыв, с кем говорит, ляпнула Леся.

Лимпо в ответ позволил себе сдержанную улыбку:

– Хотя я и старик, но мне думается, гипс в таких делах имеет далеко не самое важное место.

Вспомнив, кто перед ней, Леся страшно покраснела и попыталась ретироваться с кухни. Но Лимпо неожиданно остановил ее.

– Миссис...

– Пока что просто мисс.

– Мисс... Можно мне говорить с вами?

– Вы уже говорите.

Лимпо стоял перед Лесей смущенный, словно школьник. Старый негр переминался с ноги на ногу, явно пытаясь сказать что-то крайне важное для него. Но не находил слов.

– Уезжайте! – наконец выпалил он. – Уезжайте вы с подругой обе!

– Зачем?

– Так будет лучше для всех.

– Но почему?

– В этой стране неспокойно. И с каждым днем тут становится все хуже и хуже, особенно это касается молодых белых женщин.

– А Верунчик?

– Если она согласится, забирайте и ее тоже. Уезжайте все трое.

– Но почему? Тебе не нравится наше присутствие в доме?

– Не нравится.

– Ну, знаешь... придется тебе потерпеть! Понимаю, хлопот прибавилось, но я тебе обещаю, мы будем аккуратны. Завтрак приготовим сами. Это же касается обеда и ужина. А насчет уборки...

Леся хотела сказать, что наверняка в таком современном доме есть какие-нибудь хитрые приспособления, которые сами могут помыть, пропылесосить и вообще избавить Лимпо от каждодневного труда. Но слуга перебил ее:

– Нет, я не насчет уборки и готовки. Я говорю о вашей

безопасности. Вы все трое должны уехать!

– А что же нам грозит?

Но Лимпо уже закусил губу. И, несмотря на все свои старания, Лесе удалось выдавить из него еще лишь одну фразу:

– В стране нынче небезопасно. Многие черные обозлены на белых хозяев. Они мечтают их всех выгнать из страны. А кто не уедет сам, тех будут убивать!

Леся кивнула головой:

– Спасибо вам, Лимпо. Вы добрый человек и впрямь хотите помочь нам. Но раз уж мы пролетели через половину земного шара, мы останемся. По крайней мере, пока Верунчик не выйдет замуж за своего Криса.

И очень довольная придуманным ответом, Леся налила для Киры большую чашку кофе и вышла из кухни, не замечая огорченного лица старого негра.

Верунчик уже была в своей спальне. И, увидев Лесю с чашкой кофе, мигом выпростала руки из-под простыни и потребовала свою порцию.

– Пусть тебе Крис кофе в постель приносит, – шутливо ответила Леся, увертываясь от рук сестры.

Но Верунчик шутки не поддержала. Наоборот, лицо у нее приняло недовольно-брюзгливое выражение, и она фыркнула:

– Крис! Как же, дождешься от него хоть чего-нибудь дельного!

– Другими словами, жених тебя разочаровал? – насторо-

жилаась Леся.

– Жених! – снова фыркнула Верунчик. – Даже не производи при мне этого слова!

Заинтригованная Леся присела на краешек кровати и протянула чашку:

– На, держи, пей и рассказывай.

– А круассан для меня на кухне не посмотришь? – жалобно спросила Верунчик. – Люблю к утреннему кофе еще и сдобу.

– Видела булочки с медом. Будешь?

– Нет, спасибо, мед я не люблю. Ну, что же, раз нет, так нет.

И Верунчик со страдальческим видом принялась хлебать кофе, который в этом доме варили по всем правилам и который потому получался очень ароматным, густым и вкусным. Но Верунчик, не избалованная дорогими напитками, вернула чашку чуть ли не с отвращением.

– Горечь какая. И сахара ты мало положила. И вообще, я люблю растворимый, со сливками или в крайнем случае с молоком.

Леся только молча вздохнула. Она тоже любила кофе с молоком, но что делать, если они жили в чужом доме. А в чужой монастырь со своим уставом не лезь. Варят тут угольно-черный напиток, она выпьет и такой. Тем более что этот кофе необычайно бодрил. Леся, к примеру, совсем проснулась. Да и на Верунчика кофе оказал благотворный эффект.

Она ровно села в подушках и поведала наконец Лесе причину своего скверного настроения.

– Понимаешь, мы с Крисом провели вместе всю ночь. И у нас ничего не было!

– Ну да! А в смысле, ничего?

– В прямом смысле, ничего! Никакого секса!

– Он тебя даже не поцеловал?

– Ну, допустим, поцеловать-то поцеловал. Но только один раз, и так неинтересно... Словно свою сестру чмокнул на сон грядущий!

– Возможно, он боялся тебе что-нибудь повредить. Гипс, например.

– Не знаю, – проворчала Верунчик. – Тогда какого черта вообще потащил меня к себе? Храпел всю ночь, руку мою не отпускал. Только я шевелилась, как он просыпался и интересовался, не надо ли мне чего-нибудь.

– Вот видишь! Он о тебе заботился.

– Не нужна мне такая забота! К тому же он очень беспокойно спит. Едва я забывалась сном, как что-то случилось. То эсэмэска от кого-то придет, то эта Пэм ненормальная позвонит.

– Пэм звонила брату среди ночи?

– Представь себе! А рано утром он вообще куда-то ушел, ничего мне не объяснил, а я вернулась к себе в постель. Думала, хоть немного отосплюсь, а тут ты... с этим кофе! Чтоб ему пусто было, выпила, теперь голова гудит, словно коло-

кол. Мне уже не уснуть!

Леся только головой покачала. Характер Верунчика заметно испортился за те несколько лет, что она безостановочно выходила замуж и кузины не виделись. Или это на Верунчика так негативно действует гипс на ноге и вынужденное безделье? Но нельзя сказать, чтобы Верунчик была совсем прикована к постели. Нога у нее успешно заживает. Уже перед отъездом ей заменили гипсовый кокон на более легкую гипсовую лангетку, которую через несколько дней можно будет на ночь даже снимать, просто разматывая бинты. Так чем недовольна Верунчик?

Недоумевая, Леся вернулась к Кире. Но и тут ее ждал неласковый прием.

– Кофе принесла? – раздался голос из-под одеяла.

– Кофе? Ой, прости! Кофе... Я тебе его сейчас принесу.

Леся снова спустилась вниз, взяла новую чашку кофе, но на сей раз ее остановил дверной звонок. Лимпо величественно и в то же время стремительно (и как только у него получилось совмещать две такие, казалось бы, несовместимые вещи), пронесся мимо девушки и открыл дверь.

– Хеллоу! – певуче произнесло огненно-рыжее облако, и в дом влетела Беатрис – мачеха Криса. – Как тут поживают мои гости?

Леся покивала головой, мол, все прекрасно. И Беатрис просияла:

– Очень хорошо. А где Крис?

– Куда-то ушел.

– Да? В такую рань? А я надеялась, что застаю и его тоже.

– Хозяин вот-вот вернется, – величественно произнес Лимпо. – Он сказал, что вышел в ближайший магазин за цветами для своей невесты.

– Как романтично! – захлопала в ладоши Бет. – Рада, что в Кресе наконец-то проснулся романтик. Вера еще не вставала? Как поэтично, цветы в постель любимой! Кстати, как ее нога? Надеюсь, она помнит, что завтра мы едем на сафари!

– Сафари?

– Ну да. Сафари. Я уже заказала места для всей нашей компании. Нам повезло, что сафари-парком владеет один из друзей моего Якоба. Нам не придется ничего платить. И вообще, в его парке всегда бешеный наплыв туристов. Но для нас места всегда найдутся... Это будет чудесно! Мы даже сможем пострелять! Это будет забавно!

На взгляд Леси, ничего забавного в том, чтобы убивать живых зверей себе на потеху, не было. Но у жителей Южной Африки, видимо, иной взгляд на эти вещи.

– Обожаю сафари! – твердила Бет, сбрасывая легкую накидку и принимая из рук Лимпо стакан минеральной воды. – Мой отец всегда брал меня с собой на охоту.

– Разве это не опасно?

– Мама тоже всегда ему так твердила. И вот причуда судьбы... папа дожил до глубокой старости, ежегодно отправляясь на сафари. Умер он сравнительно недавно. А вот мама

умерла совсем молодой.

– И как произошло это несчастье?

– Ее ударило током от работающего фена, когда она сидела в ванне. Сидела, сушила свои роскошные волосы и случайно уронила фен в воду. Такая вот нелепая смерть. Мы с отцом в тот раз подстрелили леопарда, и у нас даже царапинки не было. А мама... Мама погибла.

В голосе Беатрис прозвучала печаль. Она сделала глоток воды и продолжила:

– Так вот, опасность жизни в саванне сильно преувеличена. Звери обычно заняты своими делами. К тому же у каждого вида имеются свои вкусовые предпочтения. И человек ни к одним из них не относится. Если человек не вторгнется на территорию владения хищников, они его вовсе не тронут. Даже внимания на него не обратят. А если сами почуют человека, постараются свернуть с его пути. И отсюда мораль: не лезьте к диким животным близко, а они уж и тем более не сунутся к вам самим.

Мораль была хороша, но как она согласовывалась с тем, что Беатрис предлагала подругам отправиться на сафари?

Но в это время вернулся Крис с огромным букетом свежайших роз. Он приветливо кивнул Беатрис, но сразу же прошел наверх. Спустился он через несколько минут, причем лицо его было далеко не таким радостным, а скорей раздраженным.

– Где твоя невеста?

– Вера хочет еще немного подремать. Не знаю, как и быть. Она не очень-то обрадовалась предстоящей поездке.

– Вера не хочет на сафари? – огорчилась Бет.

– Сафари? При чем тут сафари? Мы разве не едем в гости к Пэм?

– В гости к Пэм? – захлопала глазами Беатрис. – Когда?

– Прямо сегодня.

– Но ведь Пэм живет у черта на рогах.

– Ее ферма называется «Зеленые Холмы», – поправил ма-
чеху Крис. – Ну да, конечно, ты права. Лететь, а потом еще и
ехать на джипах до владений Пэм придется несколько часов.

Леся вообще перестала что-либо понимать. Куда же они
все-таки едут? Да и Беатрис казалась растерянной.

– погоди, Крис, тут какая-то ошибка, – остановила она
своего младшего пасынка. – Мы все едем на сафари. Мы до-
говаривались об этом вчера. А сегодня с утра я уже заброни-
ровала для нас места.

– Бет, мы все знаем, как ты любишь охоту. Но боюсь, в
этот раз тебя не сможет сопровождать даже Петрес. Он тоже
должен поехать со мной и девочками в гости к Пэм.

Но тут Беатрис дала знать, что и у нее имеется норов.

– Еще чего! – порывисто вскочила она на ноги. – Ни к ка-
кой Пэм вы не поедете! Тоже не хватало! Не успела появить-
ся в семье, как снова принимается всем диктовать свои пра-
вила!

– Пэм никому не пытается...

– Думает, если Якоб не прогнал ее вчера со своего праздника пинками под зад, значит, ей все простилось? Ничего подобного! Я помню, как она пыталась испортить нашу свадьбу с Якобом. И не только свадьбу. Уверена, она придумала эту дурацкую поездку на свою дурацкую ферму лишь в пику мне!

– Бет, не надо так болезненно реагировать. Пэм всего лишь хотела...

Но Бет уже разошлась.

– Нет, не будет этого! – закричала она, топнув ногой и даже не дослушав Криса. – К Пэм никто из нас не поедет! Ей этот фокус не удастся! Она много лет помыкала своим отцом и всеми вами, но со мной так не будет! Я еду на сафари. И вы все тоже едете вместе со мной!

– А если нет?

– А если нет...

Но придумать достойную кару для своих непослушных пасынков и падчерицы Бет не успела. В дверь снова позвонили. На сей раз явилась сама Пэм.

– А-а-а... Вот и ты, доченька! – голосом, который не предвещал ничего хорошего, возвестила Беатрис.

Леся почувствовала, что в гостиной сейчас начнут свистеть пули и летать ножи, и проворно устремила к лифту. Когда родственники цапаются между собой, чужим лучше держаться в стороне. Родня на то и родня, чтобы поссориться, а потом помириться. А вот случайный свидетель, стань

он хоть на секунду на одну из сторон, на всю жизнь рискует выбыть из круга доверия.

Так что Леся поднялась к Кире, вручила ей остывший кофе и вкратце известила о том, что происходит внизу. Но Кира отреагировала неожиданно:

– А это даже забавно! – заявила она, выбираясь из постели. – Пожалуй, на это будет интересно взглянуть. Говоришь, они чуть не вцепились друг другу в волосы?

– Да.

– Это будет поинтересней, чем сафари, на которое нас так мечтает вытащить малышка Бет.

Однако, когда подружки спустились вниз, оказалось, что страсти уже улеглись. И, вытирая пот со лба, Крис сообщил им:

– Отец позвонил и мигом примирил своих девочек. Сказал, что сегодня у нас запланирована дегустация вин из Констанции. А завтра мы всей семьей поедem на сафари. Ну а уже оттуда все вместе отправимся на ферму к Пэм.

– Господин Якоб тоже поедет с нами?

– Сегодня нет, но завтра и впоследствии собирается.

И заметив удивленные взгляды подруг, Крис пожал плечами:

– Не один Петрес у нас заядлый охотник. Отец познакомился с Бет на охоте. Говорит, что когда увидел ее первый раз с ружьем в руке, то был покорен.

– Ничего удивительного, – вмешалась сама Беатрис. – Мне

в ту пору было всего двенадцать лет, но я всадила пулю с расстояния пятьсот метров в глаз детенышу антилопы!

Хвастаться убийством ни в чем не повинного детеныша – это было гадко! Но все окружающие, казалось, не видели в поступке Беатрис ничего ужасного. Напротив, семья разразилась приветственными криками. И все стали строить планы относительно завтрашней охоты. Как без труда поняли подруги, стрелять тут умели все. И развлечение это было чем-то вполне заурядным, вроде нашего похода в лес осенью за грибами и ягодами.

– В провожатые возьмем Джона.

– Нет, он уже старик. Возьмем кого-нибудь из его сыновей. Мальчишки обучены работе с навигатором. А старик до сих пор ориентируется по солнцу. А дичь выслеживает по старинке, нюхая навоз и исследуя следы на земле.

– Ну и что? Так даже интереснее.

– Интереснее, но не всегда результативнее.

– Тебе просто хочется похвастаться перед своей подругой боевым трофеем! Кого ты надеешься подстрелить? Буйвола или сразу льва?

Подруги уже знали, что в ЮАР охота почти на всех зверей, обитающих в саванне, разрешена. Надо было заплатить определенную сумму в казну государства, и стреляй хоть буйвола, хоть даже того же льва. Суммы были по местным меркам довольно велики, черное население до недавних пор не могло себе позволить таких трат. Убийство небольшой

антилопы стоило от ста до пятисот долларов. Жираф оценивался в три тысячи. Леопард в восемь. И наконец, царя зверей льва или его подругу львицу можно было застрелить всего за пятнадцать-двадцать тысяч долларов.

Учитывая, как мало этих животных осталось на всей планете, спрос на этот вид развлечения для охотников со всего мира рос из года в год.

– Обычно к нам приезжают охотники из США и Канады. Но в последние годы рост благосостояния некоторых черных лидеров стремительно увеличился. И все чаще в этой забаве участвуют сами коренные жители Южной Африки.

– А на кого будем охотиться мы?

– Все будет зависеть от случая. Повезет, застрелим леопарда. Нет, удовольствуемся простым бородавочником.

Вскоре, привлеченная шумом голосом, вниз спустилась Вера.

– Охота? – растерянно сказала она. – Я поеду на охоту? Но я не люблю охоту!

Зря она произнесла эту фразу, потому что после минутной оторопи вся эта компания заядлых убийц бросилась доказывать ей, как весело она проведет завтра свой день. И не только завтра, но и послезавтра тоже. Петрес, который также присоединился к своим родственникам, так и вовсе заявил:

– Глупо ехать на охоту всего на один день. Надо провести в саванне как минимум неделю!

Но от недели в саванне Петреса отговорили свои же. И

подруги вздохнули с облегчением. Пару дней в саванне они еще переживут. Тем более что погода стоит отличная. Даже ночью они не простудятся. Надо только держаться поближе к тем охотникам, у кого будут ружья. Ну, или вовсе не отходить далеко от лагеря.

– Вы тоже получите винтовки. Поверьте, стрелять по живым мишеням – это ни с чем не сравнимое удовольствие!

Глаза Петреса сверкали таким блеском, что подругам даже стало не по себе. И третьим пунктом своей программы выживания в саванне они поставили неременное условие держаться подальше от брата Криса. Человеческие черепа, которые они видели в рабочем кабинете Петреса, упорно не давали им покоя.

День закончился очень приятно. Дегустация вин из Констанции прошла в атмосфере редкого единодушия. Семья Криса недолго обсуждала достоинства того или иного сорта вина. Очень быстро все разговоры вновь перешли на предстоящую охоту.

А после трех стаканчиков вин разных сортов языки у всех развязались. И оказалось, что каждому, даже тихоне Крису, имеется что вспомнить из своего охотничьего прошлого. Вера хмурилась и все время порывалась влезть со своими комментариями. Но подруги неизменно гасили этот ее гринписовский порыв.

– Терпи! – щипали она Верунчика. – Молчи! Они тут все

помешаны на охоте. Скажешь, что ты не приемлешь этого развлечения, разочаруешь своего Криса.

И Вера молчала. Ей очень хотелось замуж в четвертый раз. И если ради этого надо немножко покататься на джипе с оружием в руках, что же, она готова. Может быть, она даже пальнет в воздух пару раз для видимости участия в общей забаве.

Оказалось, что все сборы возьмут на себя Петрес и Пэм. Они же подберут подходящую обувь и прочую экипировку для всех участников.

– Конечно, в сафари-парке есть пункт проката, но брать там вещи – это не комильфо. Лучше привезти все с собой.

– Оружие для Веры и Киры с Лесей тоже найдется. Это не проблема. У Петреса есть несколько лишних ружей. Да и у нас с Якобом найдется парочка свободных стволов, вполне пригодных для импалы или поросенка.

Общее настроение оказалось заразительным. И вот уже Кира поймала себя на мысли, что, пожалуй, подстрелить молодого самца оленя или газели – это не такой уж и великий грех. Едят же они котлеты из говядины, которая не что иное, как мясо убитых молодых бычков. И свиные ребрышки они с Лесей регулярно жарят у себя во дворе. И баранину. А уж про курочек, уточек и гусочек вообще говорить не приходится.

Так к чему сейчас им кривляться и строить из себя защитниц животных? Если вы едите мясо, то вы все равно участ-

вуете в процессе умерщвления живого существа себе на потребу. Не все ли равно, убьют животное на бойне или оно падет красиво – среди живой природы, от пули, выпущенной охотником.

– А что будет с тушами?

Вопрос всех удивил. Оказывается, рога, шкуру и голову забирает себе сам охотник. Потом опытный таксидермист делает из них чучела или украшения для интерьера. Мясо зверя подстреливший его человек тоже может забрать с собой. Но гораздо чаще охотники, следопыты, загонщики и все прочие участвующие в охоте люди съедают мясо дочиста прямо там, на месте.

– Значит, ничего не пропадает?

– Что не съедим мы, доедят дикие или домашние собаки.

– Падальщиков в саванне хватает. Ни один кусочек мяса, даже самого тухлого, не пропадет даром.

Уяснив себе моральный аспект завтрашней прогулки, подруги немного успокоились. И хотя восторга от предстоящего развлечения не испытывали, но были согласны, что для общего развития это даже в какой-то мере полезно.

– Ну а теперь расскажите вы, – неожиданно потребовала у подруг Беатрис. – Как охотитесь вы в своей далекой России?

Охотитесь? Увы, у всех трех подруг опыт охоты был самым ничтожным. Кира один раз в своей жизни выбиралась на охоту с кем-то из своих бойфрендов. Из всей охоты ей запомнился заснеженный лес, маленькая охотничья избуш-

ка и полное отсутствие трофеев, так что все закончилось банальной пьянкой и поеданием шашлыка, увы, совсем не из кабана, а из маринованной свинины, привезенной с собой из города.

Верин опыт и вовсе сводился к походу в Зоологический музей и осмотру витрин с экспозициями сцен из мира животных и птиц. А Леся пару раз в раннем детстве видела убитых животных и птиц, которых приносил в дом ее папа. Заяц, лиса и куропатка. По сравнению с обитателями африканского буша и саванны, добыча более чем жалкая. Хотя на выслеживание и погоню за тем же зайцем отец Леси потратил не одну неделю.

– Но ведь у вас же в лесах водятся свирепые бурые медведи.

– И волки.

– И другие звери!

Да, один раз подружки ели студень из ног лося. Мясо показалось им удивительно похожим на говяжье. А раз так, какой смысл таскаться по лесу, если можно купить куда более дешевый аналог на рынке?

– А насчет медведей и волков даже не знаю, что вам и сказать. Наверное, где-то далеко в Сибири эти животные и остались. А там, где живем мы, про медведей не слышали уже не одну сотню лет.

Поняв, что с подругами каши, что называется, не сварить, Крис и его мачеха вновь переключились на свои собственные

байки. Затем к ним присоединился приехавший брат Беатрис – Томас. И весело объяснил подругам:

– Основная проблема на охоте – это когда вы нос к носу сталкиваетесь с буйволом, а в руках у вас всего лишь мелкашка, пригодная для стрельбы по мелкой дичи. Дробью буйвола не остановить.

Так как к этому времени дегустация уже шла полным ходом, девушки лишь рукой махнули в ответ. Связываться с буйволом они и не собирались. Но если другие подстрелят какого-нибудь дикого козла или свинью, почему бы и не попробовать их мяса?

Глава 5

Однако уже на следующий день подругам пришлось пожалеть о том, что они дали втянуть себя в эту авантюру. До охотничьего лагеря, места в котором зарезервировала для всей компании Беатрис с мужем, добрались ближе к полудню, несмотря на то что выехали еще на рассвете.

И сразу же после легкого перекуса было решено осмотреть места будущей охоты и, если повезет, подстрелить кого-нибудь к ужину.

К удивлению подруг, почти смирившихся с тем, что пару дней им придется перекантоваться в спартанских условиях, где-нибудь в палатке, а в лучшем случае в хижине, условия для их проживания в самом лагере охотников были поистине царскими.

Да, конечно, охотничий лагерь состоял из хижин, но что это были за хижины! В каждой два или даже три просторных помещения, спальни, джакузи, сауна. Перед домом небольшой садик, в котором щебетали разноцветные птички и резвились хорошенькие обезьянки и другие мелкие животные.

– Какая прелесть! Пожалуй, я бы осталась тут!

Но остаться в лагере было разрешено одной лишь Вере. Да и то лишь потому, что она с ее ногой слишком уж задерживала передвижение всех остальных охотников. Подругам предстояло отправиться на охоту вместе с другими.

– Идите, идите, да не упустите добычу, – напутствовала их Верунчик, которая уже нежно простилась со своим женихом и оставалась кайфовать под кондиционером, в комнате с огромным плазменным телевизором и сорока спутниковыми каналами.

Интернет и все прочие радости современной жизни тут также имелись. Пожалуй, знай об этом подруги раньше, они бы тоже постарались получить какие-нибудь нетяжелые увечья. Но они подумали об этой возможности слишком поздно. Остальные уже ждали их возле джипов.

В джипе кроме подруг оказались еще водитель, следопыт и Петрес.

– Отец и Бет поедут следом за нами. А в последней машине едут Крис с Томасом и Пэм. Ну, и сопровождающие их сотрудники парка.

Как поняли подруги, дичь им предстояло завалить из за-сады.

– Мы займем укрытие с подветренной стороны. Загонщики обойдут стадо антилоп и погонят зверей на нас. И тут уж наша задача подстрелить хотя бы одно животное.

– Думаешь, нам это удастся?

– Не хочу остаться голодным сегодня вечером!

Конечно, никто голодным бы не остался. В лагере холодильник был забит охотничьими трофеями других гостей сафари-парка. Но Петрес уверил подруг, что убитая своими руками дичь имеет совсем иной вкус, чем купленная или до-

бытая другим охотником.

– Ничего хитрого в такой охоте нет, – поучал он подруг. – За вас все сделают служители парка. Вы должны лежать совершенно тихо. Без моей команды не стреляйте. Первый выстрел сделаю я, потом можете начать палить и вы тоже.

Впрочем, Петрес не скрывал своего снисходительного отношения к возможностям подруг.

– Вряд ли вам удастся хотя бы ранить зверя. Но я рядом с вами, без ужина вы не останетесь!

Вопреки уверениям Петреса лежать в засаде пришлось долго. И хотя шалаш был устроен таким образом, что все находящиеся в нем люди были закрыты от прямых солнечных лучей, все равно было душно и жарко. Подруги изрядно пропотели. А уж от Петреса и африканского охотника, который был выделен им в качестве сопровождающего, разлило потом так, что девушки опасались, как бы этот запах не выдал антилопам и другим животным их местонахождение.

Впрочем, за себя подруги тоже беспокоились.

– Если эти антилопы не поторопятся появиться в ближайшие полчаса, можете поджарить вместо антилопы меня, – прошептала Леся на ухо подруге.

– Что касается меня, то я уже почти зажарилась.

– Могли бы и тут кондиционер поставить.

– Ага. И еще раскладные кровати вместо этих тюфяков!

В шалаше, который стоял прямо на утрамбованной земле, были положены соломенные матрасы, которые изрядно при-

мялись и почти совершенно утратили свое функциональное назначение – смягчать опору для коленей и локтей охотников.

Деревья, под которыми было устроено укрытие, давали тень. Но ее одной было мало, чтобы спастись от лучей палящего солнца.

– Как печет, прямо сил нету!

– А еще говорили, что у них тут прохладно. Что же тогда делается в Центральной Африке, поближе к экватору!

– Тише!

Петрес смотрел на подруг с нескрываемым возмущением. Он что, полагает, что стадо антилоп услышит шепот подруг на расстоянии в несколько километров?

– Кроме антилоп тут бродят и другие животные! Если не будете шуметь, мы можем их увидеть, а если повезет, так и подстрелить.

Тогда подруги будут говорить еще громче! Пусть бедные невинные твари спокойно пасутся себе дальше. Кровожадный Петрес вполне удовлетворится на ужин другим блюдом!

– Т-с-с... Тихо! Кто-то идет!

Подруги испуганно замолчали. Кто идет? Человек? Лев? Леопард?

Нет, поступь незваного гостя была тяжелой и уверенной. Шаги по сухой земле глухо отдавались. И Петрес судорожно сжал в руках ружье.

– Буйвол, – прошептал он. – Большой самец. Вот это уда-

ча!

Глаза у него блестели, а подругам стало страшно. Большой и агрессивный буйвол – это весьма опасное животное. С разъяренным диким быком не связывается даже слон, хотя он много крупнее. Но буйвол, впадая в бешенство, становится неуправляем. Буйвол – обычно мирное животное, но когда он зол, тут уж держись. Мало никому не покажется.

Так что подруг вполне устроила бы более мирная добыча. А так их шалашик внезапно перестал им казаться надежным укрытием. Если буйвол решит напасть, то под его тяжелыми копытами шалаш разлетится за пять секунд или даже быстрее. От страха девушки замерли, стараясь не шевелиться и даже не дышать. А тяжелая поступь дикого быка все приближалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.